А. И. КУПРИНЪ

КУПОЛЪ СВ. ИСААКІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА"
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4-а

REPRINT - 1971
New York, USA

„НАША БИБЛІОТЕКА“
XXIV

А. И. Купринъ

Куполъ св. Исаакія Далматскаго

Вступительная статья **Петра Пильскаго**

Портретъ автора работы худ. **А. П. Апсита**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4-а
1928

А. И. Купринъ

П р е д и с л о в и е

После Октябрьского переворота русская литература разделилась на два русла: внутрироссийское и зарубежное.

Между этими двумя руслами всегда возводились мосты, прокладывались тропы; иногда при непредвиденных и неожиданных обстоятельствах.

Кто мог, например, думать, что умерший в эмиграции нобелевский лауреат Бунин будет возвращен современной русской литературе. Но это посмертное возвращение уже сравнительно давно стало совершившимся фактом.

Александр Иванович Куприн вернулся на родину не после смерти, а перед самой смертью.

В Советском Союзе изданы собрания сочинений Куприна в шести томах, а затем и в девяти, выпускаются однотомники его произведений, пишутся монографии о нем.

Однако, у Куприна, как и у Бунина, есть произведения, которые не рискнет переиздать ни один советский журнал, ни одно советское издательство.

К таким произведениям принадлежит и "Купол Св. Исаакия Далматского". Переиздание этой книги полезно и необходимо именно сейчас, когда в Советском Союзе дается фальшивое изображение Северо-Западной Армии и белого похода на Петроград. Чего, например, стоит роман Всеволода Кочетова "Угол падения".

Александр Иванович Куприн описывает события "по принципу жизни, застигнутой врасплох", без тени какой бы то ни было пристрастности.

Куприн активно сотрудничал с Белой армией. Но в "Куполе Св. Исаакия Далматского" он не присягает на верность белым или красным; он верен жизненной правде, которую время сделало исторической правдой.

"Купол Св. Исаакия Далматского" ценен для нас не только как предельно правдивый документ эпохи: и в этой книге Куприн остается большим своеобразным, неповторимым художником слова.

Вяч. Завалишин

Радости земли.

О КУПРИНѢ.

I

Это было 38 лѣтъ тому назадъ, передъ самымъ Рождествомъ, и случилось въ Москвѣ.

Въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, издававшемся Соѣдовымъ, появилась маленькая вещица: ее принесъ въ редакцію невысокій, худенькій юнкеръ съ бѣлыми погонами, обшитыми золотомъ, и на нихъ красной краской стояло: „$^{\text{А}}_{\text{II}}$“, — мундиръ 3-го военнаго Александровскаго Училища.

Въ отпускномъ билетѣ значилось, что юнкеръ 4 роты Александръ Купринъ отпущенъ въ отпускъ до 9 час. вечера „сего числа“. И этотъ день, эти годы, это бѣлое зданіе на Арбатѣ навсегда запомнились автору этихъ первыхъ напечатанныхъ строкъ, получателю въ соѣдовской кассѣ своего перваго, дѣвственнаго гонорара.

Потомъ юнкеръ сталъ офицеромъ и вышелъ въ г. Волочискъ, столь знакомый всѣмъ, кто когда-нибудь ѣздилъ за-границу, въ Австрію. Маленькій, грязный городокъ, конечно, со всѣми присутственными мѣстами, съ почтмейстеромъ, съ акцизнымъ чиновникомъ, съ казначеемъ, съ одной единственной фотографіей, съ одной единственной гостинницей, разумѣется, — „Петербургской“.

— Скука, скука и еще разъ скука... Неужели вся моя жизнь пройдетъ такъ сѣро, одноцвѣтно, лѣниво, какъ она тянется до сихъ поръ? Утромъ — занятія въ ротѣ... Потомъ—обѣдъ въ собраніи. Водка, старые анекдоты, скучные разговоры о томъ, какъ

трудно стало нынче попадать изъ капитановъ въ подполковники по линіи, длинные споры о второмъ пріемѣ на изготовку и опять водка. . .

Это записываетъ въ своемъ дневникѣ „какой-то пѣхотный офицеръ Лапшинъ". То же самое чувствуетъ и Ромашевъ. Для Куприна эта тьма была не безразсвѣтна. Ангеломъ-хранителемъ, заступницей и покровительницей въ этихъ провинціальныхъ скорбяхъ и напастяхъ для него и тутъ явилась литература: послѣ соѣдовскаго крещенія Купринъ навсегда остался прихожаниномъ ея храма. Офицеръ Купринъ писалъ, его помѣщали такіе замкнутые журналы, какъ „Русское Богатство". Между прочимъ, тамъ была напечатана „Олеся".

Уже тогда, уже въ ту пору характерныя черты писателя Куприна сказались съ совершенной и неоспоримой ясностью. Любовь къ быту, здоровье, сила, земное начало, художественный реализмъ и романтическая мечтательность углублялись, ширились, расцвѣтали, но все это было зачато и выдавало себя въ самыхъ первыхъ, начальныхъ, робкихъ строкъ молодого Куприна. Особенно бытъ. Преданность быту и бытію, восторгъ предъ жизнью и міромъ, плѣненіе ихъ красотой, тайнами, радостями и соблазнами стали навсегда его неизмѣнной прикованностью, не только любовью, но и нескрываемой страстью.

II

Купринъ — отличный собесѣдникъ. Его разсказъ всегда кратокъ, выпуклъ, искрененъ. Онъ никогда не утомляетъ. У Куприна есть еще одинъ завидный талантъ: онъ умѣетъ слушать. Это встрѣчается рѣже, чѣмъ думаютъ.

Неизмѣнно поражала его наблюдательность, пестрота темъ, разнообразіе знаній, необыкновенная зоркость. Какъ и въ своихъ книгахъ, онъ и въ бесѣдѣ очень точенъ. Отъ всѣхъ его замѣчаній, характеристикъ, передачъ вѣетъ заботливой добросовѣстностью. Это — врагъ напраслины, инстинктивный

отрицатель краснаго словца, литературнаго верхоглядства. Въ своихъ симпатіяхъ, своихъ поклоненіяхъ онъ старозавѣтенъ, вѣрный поклонникъ „тѣхъ временъ“ когда еще не совсѣмъ исчезли изъ обихода: взаимная учтивость, уваженіе къ старикамъ и женщинамъ, а также прелесть неторопливаго и вѣскаго устнаго разсказа“.

Старина для него прельстительна. Къ ней онъ чувствуетъ почтительную нѣжность. Любитъ старый фарфоръ, и рѣдкія книги, и старую мебель, и старую литературу, степенность повѣствовательной манеры, тщательность и уступчивость, обработку матеріала, мудрую неторопливость дѣлъ, презираетъ анекдотъ, ненавидитъ суету.

Восхищаясь Толстымъ, онъ съ особеннымъ чувствомъ уваженія всякій разъ гордо напоминаетъ о томъ, что романъ „Война и миръ“ былъ „переписанъ восемь разъ“, и когда клеймитъ „дерзость и безстыдство“ современныхъ модниковъ, въ назиданіе указываетъ опять-таки на „нашихъ старыхъ, вѣчно новыхъ писателей“, не перестававшихъ писать, наблюдать, учиться, знавшихъ упорный и тяжелый трудъ претворенія мысли въ слово. Этимъ же упорствомъ наблюдателя, пристальной зоркостью отличается и онъ самъ.

Журналисты, офицеры, рыбаки, падшія женщины, бывшіе люди, евреи, татары, духовенство, Крымъ и Финляндія, Новороссія и австрійская граница, западный край и Новгородская губернія, села и мѣстечки, крестьяне, купцы, актеры, охотники, лошади, собаки, рыбы, птицы, — все притягивало его вниманіе, дразнило его любознательность, манило, радовало и звало.

Въ этомъ стремленіи познать и почувствовать Купринъ ненасытимо жаденъ.

III.

Впрочемъ, эта внутренняя страстность, распаленность, жажда разлиты у него повсюду.

Въ чертахъ характера, въ строкахъ книгъ, во всѣхъ своихъ тяготѣніяхъ онъ выдаетъ въ себѣ какое-то горячее, звѣриное начало. Изъ всѣхъ его привязанностей самая сильная — жизнь. Она для

него чудесная цѣнность, величайшая изъ радостей, высочайшее счастье, источникъ самыхъ трепетныхъ, несравнимыхъ волненій, впечатлѣній, сновъ и блаженства. Героическихъ самоубійцъ у него нѣтъ. Кончаетъ съ собой только мелюзга, только мелкота.

— Ни на секунду мысль о самоубійствѣ мнѣ не приходила въ голову, — говоритъ одинъ изъ его героевъ. — Сколько, сколько разъ въ моей путанной жизни бывалъ я на краю этихъ мыслей, но глядишь— прошелъ годъ, иногда мѣсяцъ, а то и просто десять минутъ, и вдругъ все измѣнилось, все опять пошло удачно, весело, хорошо. . .

Въ немъ живетъ стихійность. Купринъ силенъ инстинктомъ. Его творчество воистину безсознательно. Въ искусствѣ онъ не разсудителенъ. У него, одного изъ немногихъ, всегда была сильна и властна завидная непосредственность. Какъ въ жизни, онъ искрененъ и въ искусствѣ. Его вкусы, его герои, его природа овѣяны здоровьемъ. Въ его душѣ неистребимъ дикарь. Имъ властвуетъ первобытность. Даже его идейныя притяженія продиктованы кровью. Онъ не вѣдаетъ абстрактности и отталкивается отъ теоретизма. Его формулы странны и противорѣчивы. Онъ чувственникъ-идеалистъ; въ немъ дружатъ дѣйственное безпокойство и созерцательность, звѣрь и романтикъ. Создавая конокрадовъ, убійцъ, стрѣлковъ, бродягъ, онъ — истинный и восхищенный пѣвецъ любви. Эта любовь всегда печальна и чиста и въ ней всегда то же: созерцательный восторгъ, романтическая недостижимость, вѣчное и сладкое проклятіе, жертвенность, но и счастливая приговоренность.

IV.

Эти восторги, эти женщины, эти признанія и мечты исполнены самой возвышенной, самой тонкой и нѣжной прелести. Они преображаютъ самыя обыкновенныя души, заурядныхъ дѣлаютъ рыцарями, сѣрыхъ и незамѣтныхъ людей подымаютъ на недосягаемыя вершины поэзіи.

— Богу было угодно послать мнѣ, какъ громадное счастье, любовь къ вамъ... Пусть я былъ смѣшонъ въ вашихъ глазахъ. Уходя, я въ восторгѣ говорю: „Да святится имя твое". Восемь лѣтъ назадъ я увидѣлъ васъ въ паркѣ и тогда же, въ первую секунду сказалъ себѣ: „я ее люблю потому, что на свѣтѣ нѣтъ ничего похожаго на нее, — нѣтъ ничего лучше, нѣтъ ни звѣря, ни растенія, ни звѣзды, ни человѣка прекраснѣе васъ и нѣжнѣе".

Развѣ не странность — эта одновременная любовь къ конокраду и недосягаемой женщинѣ? Реализмъ и романтизмъ и тутъ же рядомъ, при этихъ тяготѣніяхъ къ землѣ, людямъ, жизни, непререкаемо ясная ненависть къ толпѣ. Она есть! Вездѣ у Куприна масса игнорируется. Ея нѣтъ. Въ лучшемъ случаѣ о ней только говорятъ. И то — двое. Купринъ — поклонникъ и пѣвецъ уединенности. Его герой всегда въ одиночествѣ. Изрѣдка вдвоемъ. Онъ можетъ быть окруженъ многими, но это ничего не обозначаетъ и ничего не измѣняетъ. Онъ и тутъ наединѣ съ самимъ собою, со своими думами, воспоминаніями, разсказомъ или наблюденіями. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, истинный и излюбленный герой Куприна — отшельникъ. Наиболѣе близкая ему душа — душа, замкнутая въ самой себѣ. Здѣсь вездѣ искренности больше, чѣмъ откровенности. Наиболѣе близкая ему атмосфера — тишина. Вѣроятно, поэтому современность ему болѣе чужда, чѣмъ старина, уединенность лѣсной сторожки дороже, чѣмъ большой городъ. Отсюда же идутъ и его невѣрныя, безлюбовныя отношенія къ интеллигенту. Понятно его отвращеніе къ фразерству, позѣ, затверженнымъ словамъ. Его враги: искусственность и надуманность. Въ концѣ концовъ, это аристократическая келья, и — безъ всякихъ шутокъ — подъ елью, т. е. опять-таки вблизи природы, около нея и съ ней.

V.

Также проста и послѣдняя книга. „Куполъ св. Исаакія Далматскаго" — повѣствованіе о гатчинской страдѣ 1918—19 г. г.

И здѣсь все то же, — обычное уваженіе автора къ точности, прекрасное знаніе своего матеріала, большая правдивость, ясный рисунокъ, исключительная ясность. Эта повѣсть — не только глубоко психологична, она еще и очень цѣнна, какъ важный и честный историческій документъ. Талантъ проникновенія въ души, въ бытъ, въ людскіе характеры, въ интимную жизнь, въ сокровенныя настроенія и неслышныя тайны сердца блещетъ, радуетъ и волнуетъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ этого „Купола", и въ разсказѣ „Извозчикъ Петръ", и въ „Парижѣ домашнемъ". Повсюду умилительная внимательность къ мелочамъ, незамѣтнымъ черточкамъ, какое-то неизбывное чувство отвѣтственности предъ вѣрностью, знаніемъ предмета, четкостью эпитета. И въ „Куполѣ" картофель „въ бѣло-розовыхъ клубняхъ", и если рѣпа, то „ядреная, петровская", какъ свекла — „египетская", а морковь — „грачевская" и т. д.

И все та же, прежняя, неискоренимая, почтительная любовь къ быту. Вь „Извозчикѣ Петрѣ" есть трогательныя, но и полныя огромнаго значенія и убѣжденности строки:

— „Старый древній бытъ. Бытъ, проклятый критиками, создавшими презрительно-уничтожительное словечко для иныхъ писателей — „бытовикъ". Но почему же въ этомъ бытѣ, въ неизмѣнной повторяемости событій, повседневномъ обиходѣ, въ однообразной привычности словъ, движеній, поговорокъ, пѣсень, обрядовъ — почему въ нихъ всегда жила и живетъ для меня неизъяснимая прелесть, утверждающая крѣпче всего и мое бытіе въ общей жизни?

Какое драгоцѣнное признаніе! Вотъ ключъ, открывающій главную тайну Куприна, его любви и гнѣвовъ, привязанностей и отрицанія, согласія и размиреній. Вотъ корень, откуда росла и выросла его ненависть къ большевикамъ, его борьба съ этими крушителями исконныхъ устоевъ жизни, вотъ какъ и откуда создался у него манящій его мечту, ласковый и величественный „Куполъ св. Исаакія Далматскаго".

VI.

Да, Купринъ тотъ же и не тотъ.

Все такъ же властно, сильно и ослѣпительно ярко блистаетъ и звенитъ его пѣснь восторженнаго преклоненія передъ міромъ, языческая молитва солнцу, звѣздамъ и землѣ. Но краски стали прозрачнѣй, изысканнѣй и строже. Все такъ же пылаютъ огни страстей, таинственная и неискоренимая влюбленность въ красоту, силу и огонь бушующей „Пунцовой крови". Но всюду проникла и все пронизала собой утишенная благостная мудрость.

Бури смѣняются тишиной, счастливая изступленность молодости уступаетъ свое мѣсто „слезамъ уединенной молитвы": „давно сердце просилось къ тихому созерцанію" — читали мы въ предыдущей книгѣ Куприна („Новые повѣсти и разсказы").

Здѣсь все напоено этимъ чувствомъ покоя, безмятежнымъ блаженствомъ старины. Настало „душевное умиленіе", простершее руки къ „подножію престола Божьяго", и вознеслось „къ Господу благословеніе земли и все то, что на ней". Мягкій свѣтъ старины, дальніе звуки отшедшей жизни овѣваютъ эти легенды („Кисметъ", „Принцесса дурнушка", „Медвѣжья молитва"), это повѣствованіе объ однорукомъ комендантѣ прошлаго столѣтія, эти правдивыя и рѣдкія наблюденія надъ міромъ животныхъ и птицъ („Ю-ю", „Золотой Пѣтухъ"), полныя исключительной прелести.

Купринъ проходитъ тонкую грань своего творчества, его прохладную сѣверную широту. Отлетаютъ изступленныя опьяненія міромъ, свѣтлѣютъ дали, прозрачнѣй становится рисунокъ, сосредоточеннѣй и мудрѣй глубина.

Хмѣльной день погасилъ свою распаленную пестроту и въ ясной четкости надвигается свѣтлое предвечерье.

Петръ Пильскій.

Куполъ св. Исаакія Далматскаго

Повѣсть

ДОБРАЯ ОСЕНЬ

I

Осень 1919 года была очень хороша на сѣверѣ Россіи. Особенно глубоко и сладко-грустно чувствовалась ея прохладная прелесть въ скромной тишинѣ патріархальной Гатчины. Здѣсь каждая улица обсажена двумя рядами старыхъ густыхъ березъ, а длинная тѣнистая Багавутовская улица, пролегающая черезъ весь посадъ, даже четырьмя.

Весною вся Гатчина нѣжно зеленѣетъ первыми блестящими листочками сквозныхъ березъ и пахнетъ терпкимъ веселымъ смолистымъ духомъ. Осенью же она одѣта въ пышные царственные уборы лимонныхъ, янтарныхъ, золотыхъ и багряныхъ красокъ, а увядающая листва бѣлоствольныхъ березъ благоухаетъ, какъ крѣпкое старое драгоцѣнное вино.

Урожай былъ обиленъ въ этомъ году по всей Россіи. (Чудесенъ онъ былъ и въ 20-мъ году. Мнѣ не постижимо, какъ это не хватило остатковъ хлѣба на 21-й годъ — годъ ужаснаго голода.) Я собственноручно снялъ съ моего огорода 36 пудовъ картофеля въ огромныхъ бѣло-розовыхъ клубняхъ, вырылъ много ядреной петровской рѣпы, египетской круглой свеклы, остро и дико пахнувшаго сельдерея, рѣпчатаго лука, красной толстой упругой грачевской моркови и крупнаго бѣлаго ребристаго чеснока — этого вѣрнаго противоцинготнаго средства. Оставались неубранными лишь слабенькіе запоздалые корешки мор-

кови, которыхъ я не трогалъ, дожидаясь пока они нальются и потолстѣютъ.

Весь мой огородъ былъ размѣромъ въ 250 квадратныхъ саженъ, но по совѣсти могу сказать, потрудился я надъ нимъ весьма усердно, даже, пожалуй, сверхъ силъ.

Зимою ходилъ съ салазками и совочкомъ — подбиралъ навозъ. Мало толку было въ этомъ жалкомъ, сухомъ навозѣ, — его даже воробьи не клевали. Помню, однажды, когда я этимъ занимался, проходила мимо зловредная старушенція, остановилась, поглядѣла и зашипѣла на меня: „Попили нашей кровушки. Будя". (Экій идіотскій лозунгъ выбросила революція). Собиралъ я очень тщательно зимою золу и пепелъ изъ печекъ. Досталъ всякими правдами и неправдами нѣсколько горстей суперфосфата и сушеной бычьей крови. Пережигалъ подъ плитой всякія косточки и толокъ ихъ въ порошокъ. Лазилъ на городскую колокольню и набралъ тамъ мѣшокъ голубинаго помета, (сами то голуби давно покинули нашъ посадъ, вмѣстѣ съ воронами, галками и мышами, не находя въ немъ для себя пропитанія).

Тогда всѣ, кто могли, занимались огороднымъ хозяйствомъ, а тѣ, кто не могли, воровали овощи у сосѣдей.

Труднѣе всего было приготовить землю подъ гряды. Мнѣ помогъ милый Ѳома Хамилейненъ изъ Пижмы. Онъ мнѣ вспахалъ и взборонилъ землю. Я за это подарилъ ему довольно новую фрачную пару (что могъ сдѣлать мой честный, добрый чухонецъ съ этой дурацкой одеждой?) и собственноручно выкопалъ для него изъ грунта 12 шестилѣтнихъ яблонекъ. Я ихъ купилъ три года тому назадъ въ питомникѣ Регеля-Кесельринга. Самъ посадилъ съ любовью и ухаживалъ за ними съ нѣжностью. Раньше, щадя ихъ дѣтскій возрастъ, я имъ не давалъ цвѣсти, обрывалъ цвѣтенія, но въ этомъ году думалъ разрѣщить имъ первую роскошь и радость материнства, оставивъ по двѣ-три яблочныхъ завязи на каждой. Очень жалко было разставаться съ яблоньками, но трезвый будничный картофель настоятельно требовалъ для себя широкаго мѣста.

И вѣдь какъ на грѣхъ, на соблазнъ выдалась такая теплая, такая чудесная осень! На оставшихся у меня по границѣ огорода шести яблонькахъ-десятилѣткахъ, позднихъ сортовъ, плоды никогда еще не дозрѣвали: ихъ мы срывали передъ морозами, закутывали въ бумагу и прятали въ шкафъ до Рождества. Теперь же на всѣхъ шести налились и поспѣли такіе полные крѣпкіе, нарядные, безупречные яблоки, что хоть прямо на выставку.

А цвѣтовъ въ этомъ году мнѣ такъ и не довелось посадить. Побывалъ раннею весною въ двадцати присутственныхъ мѣстахъ Гатчины и Петрограда на предметъ полученія разрѣшенія на отпускъ мнѣ сѣмянъ изъ соціализированнаго магазина, потратилъ уйму денегъ, времени и нервовъ на проѣзды и хлопоты, ничего не смогъ добиться и съ озлобленіемъ плюнулъ.

Простите, что я такъ долго остановился на этомъ скучномъ предметѣ, и отрываюсь отъ него съ трудомъ. Мнѣ совсѣмъ не жалко погибшей для меня безвозвратно въ Россіи собственности: дома, земли, обстановки, мебели, ковровъ, піанино, библіотеки, картинъ, уюта и прочихъ мелочей. Еще въ ту пору я понялъ тщету и малое значеніе вещей сравнительно съ великой цѣнностью простого ржаного хлѣба. Безъ малѣйшаго чувства сожалѣнія слѣдилъ я за тѣмъ, какъ исчезали въ рукахъ мѣшечниковъ зеркала, мѣха, портьеры, одѣяла, диваны, шкафы, часы и прочая рухлядь. Деньги тогда даже не стоили той скверной бумаги, на которой онѣ печатались.

Но, по правдѣ говоря, я бы очень хотѣлъ, чтобы въ будущей, спокойной и здоровой Россіи былъ воздвигнутъ скромный общественный монументъ не кому иному, какъ „Мѣшечнику". Въ пору пайковыхъ жмыховъ и пайковой клюквы это онъ, мѣшечникъ, провозилъ черезъ громадныя разстоянія пищевые продукты, вися на вагонныхъ площадкахъ, ссѣдлывая буффера, или распластавшись на крышѣ теплушки; всегда подъ угрозой ограбленія или разстрѣла. Конечно, не ему, а времени было суждено поправить хоть немного экономическій кризисъ. Но, кто же изъ великомучениковъ того времени не знаетъ изъ горькаго опыта, какъ дорогъ и рѣшителенъ для умирающей жизни

былъ тогда мѣсяцъ, недѣля, день, порою даже часъ подтопки организма временной сытностью, отдыха. Я могъ бы назвать много драгоцѣнныхъ для нашей родины людей, чье нынѣшнее существованіе обязано тяжкой предпріимчивой жадности мѣшечника. Памятникъ ему!

Повторяю, мнѣ не жаль собственности. Но мой малый огородишко, мои яблони, мой крошечный благоуханный цвѣтникъ, моя клубника Викторія и парниковыя дыни-канталупы „Женни Линдъ" — вспоминаю о нихъ, и въ сердцѣ у меня острая горечь.

Здѣсь была прелесть чистаго, простого чудеснаго творчества. Какая радость устлать лучинную коробку липовымъ листомъ, уложить на дно правильными рядами большія ягоды клубники, опять перестлать листьями, опять уложить рядъ и весь этотъ пышный, темно-красный душистый даръ земли отослать въ подарокъ сосѣду! Какая невинная радость, — точно материнская.

Такъ, впрочемъ, бывало раньше. Къ серединѣ 19-го года мы всѣ, обыватели, незамѣтно впадали въ тихое равнодушіе, въ усталую сонливость. Умирали не отъ голода, а отъ постояннаго недоѣданія. Смотришь бывало, въ трамваѣ примостился въ уголку утлый преждевременный старичекъ и тихо заснулъ съ покорной улыбкой на изсохшихъ губахъ. Станція. Время выходить. Подходитъ къ нему кондукторша, а онъ мертвъ. Такъ мы и засыпали на полъ-пути у стѣнъ домовъ, на скамеечкахъ въ скверахъ.

Какъ я проклиналъ тогда этотъ корнеплодъ, этотъ чертовъ клубень—картофель. Бывало нароешь его цѣлое ведро и отнесешь для просушки на чердакъ. А потомъ сидишь на крыльцѣ, ловишь разинутымъ ртомъ воздухъ, какъ рыба на берегу, глаза косятъ и все идетъ кругомъ отъ сквернаго головокруженія, а подъ подбородкомъ вздувается огромная гуля: нервы никуда не годятся.

Пропало удовольствіе ѣды. Стало все-равно, что ѣсть: лишь бы не царапало языкъ и не втыкалось занозами въ небо и десны. Всеобщее ослабленіе организмовъ дошло до того, что люди непроизвольно, переставали владѣть своими физическими отправле-

ніями. Всякая сопротивляемость, гордость, смѣхъ и улыбка — совсѣмъ исчезли. Въ 18-мъ году еще держались малыя ячейки, спаянныя дружбой, довѣріемъ, взаимной поддержкой и заботой, но теперь и онѣ распадались.

Днемъ Гатчинскія улицы бывали совершенно пусты: точно всеобщій моръ пронесся по городу. А ночи были страшны. Лежишь безъ сна. Тишина и темнота какъ въ могилѣ. И вдругъ одиночный выстрѣлъ. Кто стрѣлялъ? Не солдатъ ли соскучившись на посту поставилъ прицѣлъ и пальнулъ въ далекое еле освѣщенное окошко? Или раздадутся подрядъ пять отдаленныхъ глухихъ залповъ, а затѣмъ минутка молчанія и снова пять уже одиночныхъ, слабыхъ выстрѣловъ. Кого разстрѣляли?

Такъ отходили мы въ предсмертную летаргію. Побѣдоносное наступленіе С.-З. Арміи было подобно для насъ разряду электрической машины. Оно гальванизировало человѣческіе полу-трупы въ Петербургѣ, во всѣхъ его пригородкахъ и дачныхъ поселкахъ. Пробудившіяся сердца загорѣлись сладкими надеждами и радостными упованіями. Тѣла окрѣпли и души вновь обрѣли энергію и упругость. Я до сихъ поръ не устаю спрашивать объ этомъ петербуржцевъ того времени. Всѣ они, всѣ безъ исключенія, говорятъ о томъ восторгѣ, съ которымъ они ждали наступленія бѣлыхъ на столицу. Не было дома, гдѣ бы не молились за освободителей и гдѣ бы не держали въ запасѣ кирпичи, кипятокъ и керосинъ на головы поработителямъ. А если говорятъ противное, то говорятъ сознательную, святую партійную ложь.

КРАСНАЯ АРМІЯ

II.

Мы всѣ были до смѣшного не освѣдомлены о внѣшнихъ событіяхъ; не только мы, уединенные гатчинцы, но и жители Петербурга. Въ совѣтскихъ газетахъ нельзя было выудить ни словечка правды. Ничего мы не знали ни объ Алексѣевѣ, ни о Корниловѣ,

ни объ операціяхъ Деникина, ни о Колчакѣ. Помню, кто-то принесъ вѣсть о взятіи Харькова и Курска, но этому не повѣрили. Слышали порою съ Сѣвера далекую орудійную пальбу. Насъ увѣряли, что это флотъ занимается учебной стрѣльбой. Въ маѣ канонада раздавалась съ сѣверо-запада и стала гораздо явственнѣе. Но тогда некого было спрашивать, да и было лѣнь. Только полъ-года спустя, въ октябрѣ, я узналъ, что это шло первое (неудачное) наступленіе С.-З. Арміи на Красную Горку. Впрочемъ, въ томъ же маѣ мнѣ разсказывалъ одинъ чухонецъ изъ Волосова слѣдующее: къ нимъ въ деревню пріѣхали однажды верховые люди въ военной формѣ, съ офицерскими погонами. Попросили дать молока, передъ ѣдой перекрестились на красный уголъ, а когда закусили, то отблагодарили хозяевъ бѣлымъ хлѣбомъ, ломтемъ сала и очень щедро — деньгами. А садясь на коней сказали: „Ждите насъ опять. Когда пріѣдемъ, то сшибемъ большевиковъ, и жизнь будетъ какъ прежде."

Я помню спросилъ недовѣрчиво:

— Почемъ знать, можетъ быть это были большевицкіе шпіоны? Они теперь повсюду нюхаютъ.

— Не снай.. Може піоны, може равда бѣлые, — сказалъ чухонецъ.

Жить было страшно и скучно, но страхъ и скука были тупые, коровьи. На заборахъ висѣли правительственные плакаты, извѣщавшіе: „въ виду того, что въ тылу Р.С.Ф.С.Р. имѣются сторонники капитализма, наемники антанты и другая бѣлогвардейская сволочь, ведущая буржуазную пропаганду, — вмѣняется въ обязанность всякому коммунисту: усмотрѣвъ гдѣ-либо попытку опозоренія совѣтской власти и призывъ къ возмущенію противъ нея, — расправляться съ виновными немедленно на мѣстѣ, не обращаясь къ суду". Случаи такой расправы бывали, но, надо сказать правду — рѣдко. Но томили безпрестанные обыски, и безпричинные аресты. Мысленно смерти никто не боялся. Тогда, мнѣ кажется, довольно было поглубже и порѣшительнѣе затаить дыханіе, и готовъ. Пугали больше всего мученія въ подвалѣ, въ ежеминутномъ ожиданіи казни.

Поэтому старались мы сидѣть въ своихъ норахъ тихо, какъ мыши, чующіе близость голоднаго кота. Высовывали на минуту носы, понюхать воздухъ, и опять прятались.

Но уже въ концѣ ноября началось въ красной арміи и среди краснаго начальства какое-то безпокойное шевеленіе.

Пріѣхалъ неожиданно эшелонъ полка, набраннаго въ Вяткѣ и остановился за чертой посада въ деревянныхъ баракахъ. Всѣ они были какъ на подборъ такіе-же долговязые и плотные, такіе же веселые и свѣтлорыжіе, и бѣлыми рѣсницами, какъ Шаляпинъ. Ладные сытые молодцы. Не знаю, по какой причинѣ имъ разрѣшили взять съ собою по два или по три пуда муки, которую они въ Гатчинѣ охотно мѣняли на вещи. Мы пошли въ ихъ становище. Тамъ было уже много народу. Меня тронуло, съ какимъ участіемъ разспрашивали они исхудавшихъ, обносившихся, сморщенныхъ жителей. Какъ сочувственно покачивали они головами, выразительно посвистывали на мотивъ: „вотъ такъ фу-унтъ!“ и сплюнувъ, говорили:

— Ахъ вы бѣдные, бѣдные. До чего васъ довели. Нешго такъ можно?

Потомъ ихъ куда-то увезли. Но эти „вятскіе, ребята хватскіе“ не пропали. Во второй половинѣ октября они почти всѣ вернулись въ Гатчину, въ рядахъ бѣлой арміи, въ которую они перешли дружно, всѣмъ составомъ, гдѣ-то подъ Псковомъ. И дрались они лихо.

Вскорѣ послѣ ихъ отхода Гатчина вдругъ переполнилась нагнанной откуда-то толпой отрепанныхъ до послѣдней степени, жалкихъ, изможденныхъ, блѣдныхъ красноармейскихъ солдатъ. Повидимому у нихъ не было никакого начальства, и о дисциплинѣ они никогда не слыхали. Они тотчасъ же расползлись по городу, въ тщетныхъ поискахъ какой-нибудь пищи. Они просили милостыни, подбирали на огородахъ оставшуюся склизкую капустную хряпу и случайно забытыя картофелины, продавали шейные кресты и нижніе рубахи, заглядывали въ давно опустѣлыя помойныя ямы. Были всѣ они крайне удручены, запуганы и точно больны: вѣроятно такимъ ихъ душевнымъ состояніемъ

объяснялось то, что они не прибѣгали тогда къ грабежу и насилію.

Недолго прожили они въ Гатчинѣ. Дня три. Въ одно ясное, прохладное утро кто-то собралъ ихъ въ безформенную группу, очень слабо напоминавшую своимъ видомъ походную колонну, и погналъ дальше по Варшавскому шоссе. Я видѣлъ это позорное зрѣлище, и мнѣ хотѣлось плакать отъ злобы, жалости и безсилія: вѣдь какъ ни какъ, а все-таки это была русская крмія. Вѣдь „всякій воинъ доженъ понимать свой маневръ", а эти русскіе разнесчастные обманутые Иваны — понимали ли они хоть слабо, во имя чего ихъ гнали на бойню?

Не оркестръ шелъ впереди, не всадникъ красовался на сѣрой лошади и не знамя въ футлярѣ покачивало золотымъ остріемъ высоко надъ рядами. Впереди тащилась походная кухня, разогрѣтая на полный ходъ. Густой дымъ валилъ изъ ея трубы прямо назадъ и стлался низко надъ вооруженной ватагой, дразня ее запахомъ вареной капусты. О, зловѣщій символъ!

И что это была за фантастическая, ужасная, кошмарная толпа? Согбенные старики и желтолицые чахоточные мальчуганы, хромые, въ болячкахъ, горбатые, безносые, немывшіеся годами, въ грязныхъ тряпкахъ, въ ватныхъ кофтахъ и жалкихъ кацавейкахъ, одна нога босякомъ, другая въ галошѣ, всюду дыры и прорѣхи, ружья вверхъ и внизъ штыками и иные волочатся штыками по землѣ. Уже не въ Вяземской ли лаврѣ собралось это войско, которое проходило мимо насъ съ поднятыми носами и жадно раздувавшимися ноздрями?

На другой день мы снова услышали канонаду, на этотъ разъ яснѣе, ближе и въ новомъ направленіи. Очевидно теперь морская эскадра для своей учебной стрѣльбы перемѣстилась на юго-западъ отъ Гатчины. Но какъ будто въ этомъ направленіи нѣтъ моря?

Къ полудню этого же дня странная суматоха, какая то загадочная бѣготня, тревожная возня началась во всегда пустыхъ, безлюдныхъ улицахъ Гатчины. Невиданные доселѣ, совсѣмъ незнакомые люди таскали взадъ и впередъ сундуки, узлы, корзинки, чемоданы. Наѣхали въ городъ окрестные мужики на пустыхъ

телѣгахъ. Бѣжали опрометью по мостовой какіе-то испуганные рабы съ вязанками соломы и съ веревочными бунтами на плечахъ. Очевидно, кто-то переѣзжалъ или уѣзжалъ. Мнѣ было неинтересно кто.

Но передъ вечеромъ мнѣ понадобилось выйти изъ дома. На Соборной улицѣ я встрѣтился съ однимъ чудакомъ. Онъ всегда рекомендовался густымъ басомъ, оттопыривая вбокъ локоть для рукопожатія и напруживая по бычьи шею: учитель народной средней школы. Фамиліи его я не зналъ. Онъ былъ въ сущности не плохой малый, хотя и пилъ вежеталь, большими флаконами, каждый въ одно дыханіе.

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Знаете что случилось? Всѣ совѣтскіе выѣзжаютъ нынче ночью спѣшно въ Петроградъ.

— Почему?

— Кто ихъ знаетъ? Паника. Пойдемте посмотримъ.

На проспектѣ Павла I, на Михайловской и Бомбардирской улицахъ густо стояли груженые возы. Чего на нихъ не было: кровати, перины, диваны, кресла, комоды, клѣтка съ попугаемъ, грамофоны, цвѣточные горшки, дѣтскія коляски. А изъ домовъ выносили все новые и новые предметы домашняго обихода.

— Бѣгутъ! — сказалъ учитель. — Кстати, нѣтъ ли у васъ одеколонцу Ралле, вспрыснуть счастливый отъѣздъ?

— Къ сожалѣнію нѣту. Но какъ вы думаете, скольно же въ Гатчинѣ проживало большевиковъ? Смотрите — цѣлый скифскій обозъ.

Учитель подумалъ.

— По моему статистическому расчету, включая челядь, женъ, наложницъ и дѣтей, а также мѣстныхъ добровольцевъ и освѣдомителей—не менѣе четырехсотъ.

Колеса сцѣплялись, слышалось щелканье кнута, женскіе крики, лай собакъ, ругань, дѣтскій плачъ. Пахло сѣномъ, дегтемъ и лошадиной мочей. Темнѣло. Я ушелъ.

Но еще долго ночью, лежа въ постели, я слышалъ, какъ по избитому шоссе тарахтѣли далекія телѣги.

СМЕРТЬ И РАДОСТЬ

III

На другой день, въ прекрасное золотое съ лазурью, холодное и ароматное утро, Гатчина проснулась тревожная, боязливая и любопытная. Пошли изъ дома въ домъ слухи . . . Говорили, что вчера была въ ударномъ порядкѣ сплавлена въ Петербургъ только лишняя мелочь. Ответственные остались на мѣстахъ. Совдепъ и ЧК защищены пулеметами, а входъ въ нихъ для публики закрытъ. Однако совѣтскіе автомобили всегда держатся наготовѣ.

Говорили, что изъ Петербурга пришелъ приказъ: въ случаѣ окончательнаго отступленія изъ Гатчины, взорвать въ ней бомбами дворецъ, соборъ, оба вокзала и всѣ казенныя зданія.

Увѣряли, что въ Гатчину спѣшитъ изъ Петербурга красная тяжелая артиллерія (и эта вѣсть оказалась вѣрной). Но болтали и много глупостей. Выдумали шведовъ и англичанъ, уже разрушившихъ Кронштадтъ и теперь дѣлающихъ высадку на Петербургской сторонѣ. И такъ далѣе.

Пушечные выстрѣлы доносились теперь съ юга, откуда-то изъ Преображенской, или даже съ Сиверской. Они стали такъ ясны, четки и выпуклы, что казалось, будто, стрѣляютъ въ десяти, въ пяти верстахъ.

За послѣдніе четыре года я какъ-то случайно сошелся, а потомъ и подружился съ однимъ изъ постоянныхъ гатчинскихъ отшельниковъ. Это былъ когда-то властный и суровый редакторъ очень вліятельнаго большого журнала. Теперь онъ проживалъ старикомъ на покоѣ въ гатчинской тишинѣ и зелени; замѣтно присмирѣлъ и потеплѣлъ, да, въ сущности, и въ свою боевую пору, онъ только носилъ постоянную маску строгости, а на самомъ дѣлѣ, былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, только этого журнальные люди не умѣли раскусить. Онъ мнѣ давалъ читать свои переводы древнихъ писателей и особенно плѣнилъ меня Лукіаномъ, Эпиктетомъ и Маркомъ Авреліемъ. Онъ не скучалъ со мной, а для меня бесѣды съ нимъ были

всегда занимательны и поучительны. Что же? Почему такъ стыдно человѣку признаться въ томъ, что онъ всегда, даже до глубокой старости, радъ пополнять недостатокъ знанія?

Я узналъ также, что С., весьма скупой на комплименты и душевныя изліянія, относился ко мнѣ съ большимъ довѣріемъ — узналъ, однако, по очень печальному и тяжелому поводу и, конечно, не отъ него.

Два его сына — Николай и Никита — оба ушли на Великую войну. Первый, какъ кадровый офицеръ въ самомъ началѣ войны, второй — охотникомъ въ концѣ 1916 года. Оба погибли: одинъ отъ тяжелаго раненія, другой отъ тифа, черезъ малый промежутокъ времени.

Въ одномъ изъ первыхъ мѣсяцевъ 1917 года, я получилъ письмо отъ человѣка, котораго я не зналъ лично. Онъ былъ товарищемъ Никиты дважды: по гатчинскому реальному училищу и потомъ по артиллерійскому дивизіону. Меня то онъ, конечно, зналъ. Въ маленькомъ провинціальномъ посадѣ я весь былъ на юру, вмѣстѣ съ моими собаками, лошадью, медвѣдемъ, обезьяной, участіемъ во многихъ вечерахъ и концертахъ и кое-какими приключеніями.

Онъ писалъ мнѣ о смерти обоихъ братьевъ. О томъ, что лично онъ не рѣшается извѣстить объ этихъ ужасныхъ событіяхъ престарѣлаго отца, потому что самъ видалъ его пламенную, трепетную безумную любовь къ сыновьямъ. Въ концѣ концовъ, онъ трогательно просилъ меня взять это очень сложное дѣло на мое разрѣшеніе, совѣсть и умѣніе. Старикъ-отецъ, по его словамъ, не разъ писалъ Никитѣ обо мнѣ въ тонѣ добромъ и довѣрчивомъ. Я рѣшилъ промолчать. И въ самомъ дѣлѣ, что было бы лучше: убить милаго, обаятельнаго старика жестокой правдой, или оставить его въ рѣшительномъ чаяніи и невѣдѣніи?

И я молчалъ почти два года.

Это было нелегко. С. иногда глядѣлъ на меня такими проницательными, спрашивающими глазами, будто догадывался, что я о чемъ-то важномъ освѣдомленъ, но не хочу, не могу сказать.

Особенно тяжело было скрывать эту тайну въ тѣ послѣдніе дни, о которыхъ я сейчасъ пишу.

Каждый день передъ полуднемъ старикъ заходилъ за мною. Мы шли на желѣзнодорожный варшавскій путь и долго простаивали тамъ, прислушиваясь къ пушечной, все крѣпнувшей пальбѣ, глядя туда, на югъ, вслѣдъ убѣгающимъ, суживающимся, блестящимъ рельсамъ. Порою онъ говорилъ мечтательно:

— Дорогой другъ мой. Завтра, послѣ завтра, придутъ англичане (оказывается, и онъ вѣрилъ въ англичанъ) — и принесутъ намъ свободу. А съ ними придутъ мои Коля и Никитушка. Загорѣлые, басистые, въ поношенныхъ боевыхъ мундирахъ, съ сіяющими глазами. Они принесутъ намъ бѣлаго вкуснаго хлѣба. И англійскаго сала, и шоколаду. И немного виски для васъ. Я буду такъ радъ представить вамъ молодыхъ героевъ.

И опять мы всматривались въ убѣгающую даль, точно принюхиваясь за десятки верстъ къ запаху порохового дыма.

Не дождался бѣдный, славный С. — ни своихъ милыхъ сыновей, ни даже прихода Сѣверо-Западной арміи. Онъ умеръ за два дня до взятія Гатчины. А письмо Никитинаго товарища такъ и осталось лежать у меня въ американскомъ шкафчикѣ. Тотъ, кто живетъ теперь въ моемъ домѣ, если и нашелъ его, то, навѣрное, бросилъ въ печку. А если и отнесъ его на разсмотрѣніе тому, кому это надлежитъ — я спокоенъ. Никого въ живыхъ изъ семьи С. (миръ его праху) не осталось.

И еще одна смерть.

Рядомъ съ нами, еще въ дореволюціонное время, городъ построилъ хорошій двухэтажный домъ для призрѣнія старухъ. Большевики, завладѣвъ властью, старушекъ выкинули, въ одинъ счетъ, на улицу, а домъ напихали малолѣтними пролетарскими дѣтьми. Завѣдывать же ихъ бытіемъ назначили необыкновенную дѣвицу. Она была уже не молода, со слѣдами бывшей роковой красоты, изсохшая въ дьявольскомъ огнѣ неудовлетворенныхъ страстей и неудачъ, съ кирпично-красными пятнами на скулахъ и съ черными глазами, всегда горѣвшими пламенемъ лютой злобы, зависти и властолюбія. Я не могъ выдерживать ея пристальнаго ненавистническаго взгляда.

Какъ она смотрѣла за дѣтьми, видно изъ того, что однажды вся ея дѣтвора объѣлась какой то ядовитой гадостью. Большинство захворало, одиннадцать дѣтей умерло. Трупы было приказано доставить ночью въ мертвецкую при госпиталѣ, залить известью и вынести за городъ. Объ этомъ разсказывалъ Федоръ, служившій раньше у меня дворникомъ, философъ, пьяница, безбожникъ, кривой на одинъ глазъ и мастеръ на всѣ руки. Особенно влекло его къ профессіямъ отчаяннымъ. Онъ работалъ на собачьей свалкѣ, ловя и убивая бродячихъ собакъ, служилъ въ ассенизаціонномъ обозѣ, а потомъ поступилъ сторожемъ въ мертвецкую; въ промежуткахъ же брался за всякую работу. Онъ то и разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ приходили къ нему ночью матери отравленныхъ дѣтишекъ, и какъ онъ, Федоръ, выдавалъ опознавшимъ трупы, этихъ дѣтей, беря по сто рублей за голову. Цѣна небольшая, но денатуратъ былъ сравнительно не дорогъ.

Какъ то разъ, къ намъ во дворъ забѣжала дѣвочка изъ этого пріюта, лѣтъ двѣнадцати, но вовсе карлица, въ старушечьемъ бѣломъ платочкѣ и съ лицомъ печальной, больной старушки. Она рылась въ помойкѣ.

Намъ удалось побороть ея одичалость, кое-какъ помыть ей руки и рожицу и покормить тѣмъ, что было дома. Звали ее Зина. У насъ она немножко облюднѣла. Пришла еще разъ и еще, а потомъ, даже привела съ собою шершаваго веснусчатаго мальчугана, осиплаго и дикаго, какъ волченокъ.

Но однажды, едва она вошла въ калитку, какъ за нею слѣдомъ бѣшеной фуріей ворвалась надзирательница. Ея страшные глаза „метали молніи“. Она схватила дѣвочку-старушку за руку и поволокла ее съ той деспотической небрежностью, съ какой злыя дѣти таскаютъ своихъ несчастныхъ изуродованныхъ куколъ. И она при этомъ кричала на насъ въ такомъ яростномъ темпѣ, что мы не могли бы, если бы даже и хотѣли, вставить ни одного слова:

— Буржуи! Кровопійцы! Сволочъ! Заманиваютъ малолѣтнихъ съ гнусными цѣлями! Когда васъ перестрѣляютъ паршивыхъ сукиныхъ дѣтей!

И все въ томъ же мажорномъ тонѣ.

Потомъ прошло съ полъ мѣсяца. Какъ то утромъ я стоялъ у забора. Вижу надзирательница толкаетъ по мостовой большую тачку, а на ней небольшой гробикъ, наскоро сколоченный изъ шелевокъ. Я понялъ, что тащила она дѣтскій трупикъ на кладбище, чтобы свалить въ общую яму, безъ молитвы и церковнаго напутствія.

Но, какъ разъ передъ моими воротами колесо тачки неудобно наскочило на камень.

Отъ толчка живые швы гроба разошлись и изъ него выглянуло наружу бѣлое платьице и тоненькая желтая ручка. Надзирательница безпомощно оглядывалась по сторонамъ.

Я крикнулъ ей:

— Погодите, сейчасъ помогу.

Захватилъ въ домѣ гвоздей, молотокъ и, кое-какъ, неумѣло, криво, но прочно, заколотилъ гробъ. Вбивая послѣдній гвоздь, спросилъ:

— Это не Зина?

Она отвѣтила, точно злая сучка брехнула:

— Нѣтъ, другая стерва. Та давно подохла.

— А эту, какъ звать?

— А чортъ ее знаетъ!

И влегла въ тачку всѣмъ своимъ испепеленнымъ тѣломъ.

Я только подумалъ про себя:

— Упокой, Господи, душу неизвѣстнаго младенца. Имя его Ты Самъ знаешь.

Другой женщинѣ я бы непремѣнно помогъ довезти гробъ, хотя бы до шоссе...

Много еще было невеселаго. Вѣдь каждый день несъ съ собою гадости. Но теперь во мнѣ произошелъ какой то легкій и бодрый поворотъ.

Пушки бухали все ближе, а съ ихъ приближеніемъ, сникала съ души вялая разслабляющая тоска, безсильное негодованіе, вѣчный зелено-желтый противный рабій страхъ. Точно, вотъ, кто то сказалъ мнѣ:

„Довольно. Всѣ эти три года были дурнымъ сномъ, жестокимъ испытаніемъ, фантазіей сумасшедшаго. Возвращайся же къ настоящей жизни. Она

такъ же прекрасна, какъ и раньше, когда, ты распѣвалъ ей благодарную хвалу".

Сидѣлъ я часто на чердакѣ, на корточкахъ, счищалъ сухую грязь съ картофелинъ и размышлялъ: если учесть налипшую землю, да еще то, что клубни подсохнутъ, то 36-ти пудовъ не выйдетъ. А все таки по три фунта въ день наберется, по фунту на персону. Это громадный запасъ. Только уговоръ: умѣренно дѣлать широкіе жесты.

И въ то же время я пѣлъ дикимъ радостнымъ голосомъ чью то нелѣпую пѣсенку на собственный идіотскій напѣвъ:

Тра-ля-ля как радостно,
На свѣтѣ жить такъ сладостно,
И солнышко блеститъ живѣй;
Живѣй и веселѣй.....

Я Ш А

IV

Когда вошелъ славный Талабскій полкъ въ Гатчину — я точно не помню; знаю только, что въ ночь на 15-е, 16-е или 17-е октября. Я еще подумалъ тогда, что дни второй половины октября, часто были роковыми для Россіи.

Наканунѣ этого дня пушечные выстрѣлы съ юга замолкли.

Городъ былъ въ напряженномъ, тревожномъ, но бодромъ настроеніи. Всѣ ждали чего то необычайнаго, и бросили всякія занятія.

Передъ вечеромъ — еще не смеркалось — я наклалъ въ большую корзину корнеплодовъ, спустивъ ихъ пышную ботву снаружи: вышелъ внушительный букетъ, который предназначался въ презентъ моему старому пріятелю еврею, за то, что тотъ изрѣдка покупалъ мнѣ въ Петербургѣ спиртъ.

Да, надо сознаться, всѣ мы пили въ ту пору контрабандой, хотя запретное винокуреніе и грозило

страшными карами, до разстрѣла включительно. Да и кто бы рѣшился укорить насъ?

Великій поэтъ и мудрецъ Соломонъ недаромъ приводитъ въ своихъ притчахъ наставленіе Царю Лемуилу, преподанное ему его матерью:

„Не царямъ Лемуилъ, не царямъ пить вино, и не князьямъ сикеру".

„Дайте сикеру погибающему и вино — огорченному душею".

„Пусть онъ выпьетъ и забудетъ бѣдность свою, а не вспомнитъ больше о своемъ страданіи".

Когда я пришелъ къ нему на Николаевскую, всѣ домашніе сидѣли за чайнымъ столомъ. Хозяина уже третій день не было дома, онъ завертѣлся по дѣламъ въ Питерѣ. Но его стулъ на привычномъ патріаршемъ мѣстѣ, по милому старинному обычаю, оставался во все время его отсутствія незанятымъ: на него никому не позволяли садиться. (Впрочемъ, и въ крѣпкихъ старинныхъ русскихъ семьяхъ кое-гдѣ хранится этотъ хорошій завѣтъ).

Былъ тамъ какой то дальній родственникъ, пріѣхавшій двѣ недѣли назадъ изъ глухой провинціи — сѣдой, худой, паническій человѣкъ. Онъ все хватался за голову, утомлялъ всѣхъ своими жалобами и страхами, нылъ, какъ зубная боль, распространяя вокругъ себя кислоту и уныніе.

Былъ еще немного знакомый мнѣ мальчикъ, Яша Файнштейнъ. Онъ носилъ мнѣ тетрадки своихъ стиховъ на просмотръ и оцѣнку. Муза его была жалка, совсѣмъ безграмотна, безпомощна, ровно ничего не обѣщала въ будущемъ, питалась гражданскими мотивами. Но въ самомъ мальчикѣ была внутренняя деликатность и какая то сердечная порывистость.

Онъ блуждалъ по комнатѣ, низко склонивъ голову и глубоко засунувъ руки въ брючные карманы. Разговоръ, повидимому, изсякъ еще до меня и теперь не клеился.

Черезъ полчаса притащился очень усталый хозяинъ.... Увидавъ мою свадебную корзину, онъ слегка улыбнулся, кивнулъ мнѣ головою, и сказалъ:

— Только двѣсти (онъ говорилъ о количествѣ граммовъ). Вамъ слѣдуетъ сдачи.

Потомъ онъ сталъ говорить о Петербургѣ.

Тамъ безпокойно и жутко. По улицамъ ходятъ усиленные патрули красноармейцевъ, носятся сломя головы совѣтскіе автомобили.

Обыски и аресты увеличились вдвое. Говорятъ шепотомъ о близости бѣлыхъ частей...

Поѣздъ, на которомъ онъ возвращался домой, доѣхалъ только до Ижоры. Станціонное начальство велѣло всѣмъ пассажирамъ очистить его. Изъ Петербурга пришла телеграмма о совершенномъ прекращеніи желѣзнодорожнаго движенія и о возвращеніи этого поѣзда назадъ — въ Петербургъ.

Пассажиры прошли въ Гатчину пѣшкомъ, узкими малоизвѣстными дорогами. Съ ними шелъ мой добрый партнеръ въ преферансъ и тезка — А. И. Лопатинъ, но по своему всегдашнему духу противорѣчія, шелъ, не держась кучки, какими то своими тропинками. Вдругъ идущіе услыхали его отчаянный пронзительный вопль, на довольно далекомъ разстояніи. Потомъ въ другой разъ, въ третій. Кое кто побѣжалъ на голосъ. Но Лопатина не могли сыскать. Да и невозможно было. Путь преграждала густая вонючая трясина. Очевидно, бѣдный Лопатинъ попалъ въ нее и его засосало.

Что то еще незначительное вспоминалъ хозяинъ изъ новыхъ столичныхъ впечатлѣній и вдругъ... молчавшій доселѣ Яша, взвился на дыбы, точно его ткнули шиломъ.

— Стыдно! Позоръ! Позоръ! — закричалъ онъ визгливо и взмахнулъ вверхъ руками, точно собирался летѣть.

— Вы! Еврей! Вы радуетесь приходу бѣлыхъ! Развѣ вамъ измѣнила память? Развѣ вы забыли погромы, забыли вашихъ замученныхъ отцовъ и братьевъ, вашихъ изнасилованныхъ сестеръ, женъ и дочерей, поруганныя могилы предковъ?

И пошелъ и пошелъ кричать, потрясая кулаками. Въ немъ было что то эпилептическое.

Съ трудомъ его удалось успокоить. Это съ особеннымъ тактомъ сдѣлала толстая, сердечная, добродушная хозяйка.

Вышли мы вмѣстѣ съ Яшей. Онъ провожалъ меня. На полпути онъ завелъ опять коммунистическій валикъ. Я не возражалъ.

— Всѣ вы скучаете по Царѣ, по кнуту, по рабству. И даже, вы, — свободный писатель. Нѣтъ, если придетъ бѣлая сволочь, я влѣзу на пожарную колонну и буду бичевать оттуда опричниковъ и золотопогонниковъ словами Іереміи. Я не рабъ, я честный коммунистъ, я горжусь этимъ званіемъ.

— Убьютъ, Яша.

— Пустяки. Въ наши великіе дни только негодяи боятся смерти.

— Вспомните о своихъ братьяхъ, евреяхъ. Вы накличите на ихъ грозу.

— Плевать. Нѣтъ ни еврейскаго, ни русскаго народа. Вредный вздоръ — народъ. Есть человѣчество, есть міровое братство, объединенное прекраснымъ коммунистическимъ равноправіемъ. И больше ничего! Я пойду на базаръ, заберусь на крышу, на самый высокій возъ и съ него я скажу потрясающія гнѣвныя слова!

— До свиданія, Яша. Мнѣ налѣво — сказалъ я.

— До свиданія — отвѣтилъ онъ мягко. Простите, что я такъ разволновался.

Мы разстались. Больше я его никогда не видѣлъ. Судьба подслушала его.

Я спалъ мало въ эту ночь, но увидѣлъ прекрасный незабвенный сонъ.

На газетномъ листѣ я леталъ надъ Ялтой. Я управлялъ имъ совсѣмъ такъ, какъ управляютъ аэропланомъ. Я подлеталъ къ вершинѣ Ай Петри. Подо мной лежалъ Крымъ, какъ выпуклая географическая карта. Но огибая Ай Петри, я коснулся объ утесъ краемъ моего аппарата и ринулся вмѣстѣ съ нимъ внизъ.

Проснулся. Сердце стучало, за окномъ сѣро синѣлъ разсвѣтъ.

V ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЛЕРІЯ

Всталъ я по обыкновенію, часовъ около семи, на разсвѣтѣ, обѣщавшемъ погожій солнечный день, и, пока домашніе спали, потихоньку налаживалъ самоваръ.

Этому мирному искусству — не въ похвалу будь мнѣ сказано — я обучился всего годъ назадъ, однако, скоро постигъ, что въ немъ есть своя тихая, уютная прелесть.

И вотъ только что разгорѣлась у меня въ самоварѣ лучина, и я уже готовился наставить колѣнчатую трубу, какъ надъ домомъ ахнулъ круглый, плотный пушечный выстрѣлъ, отъ котораго задребезжали стекла въ окнахъ и загрохотала по полу уроненная мною труба. Это было посерьезнѣе недавней, отдаленной канонады.

Я снова наладилъ трубу, но едва лишь занялись и покраснѣли угли, какъ грянулъ второй выстрѣлъ. Такъ, и продолжалась пальба весь день до вечера, съ промежутками минутъ отъ пяти до пятнадцати.

Конечно, послѣ перваго же выстрѣла, весь домъ проснулся. Но не было страха, ни тревоги, ни суеты. Стоялъ чудесный, ясный день, такой теплый, что, если бы не томный запахъ осыпающейся листы, то можно было бы вообразить, что сейчасъ на дворѣ конецъ мая.

Ахъ, какъ передать это сладостное ощущеніе опьяняющей надежды, этотъ радостный молодой ознобъ, этотъ волнующій позывъ къ движенію, эту глубину дыханія, это внутреннее нетерпѣніе рукъ и ногъ.

Мы скоро узнали, что стрѣляетъ изъ Гатчины тяжелая артиллерія красныхъ (слухи не соврали, ее все-таки привезли изъ Петербурга). Говорили, что установлены были частью около обелиска, воздвигнутаго Павломъ I и названнаго имъ „коннетаблемъ“, частью на прежнемъ авіаціонномъ полѣ. Они бухали безъ передышки. Но бѣлые молчали.

Кажется, достаточно было поводовъ для домашней тревоги. Но—диковинная вещь, увѣренность или вѣра, или жажда вѣры! Это чувство идетъ не отъ

устъ къ устамъ, не по линіи, даже не по плоскости. Оно передается въ трехъ измѣреніяхъ, а почемъ знать, можетъ быть, и въ четырехъ. Мнѣ никогда не забыть этихъ часовъ безпечнаго довѣрія къ жизни и ощущенія на себѣ спокойной благосклонности синяго неба

Или мы всѣ уже такъ отчаянно загрязли въ поганомъ погребѣ, гдѣ нѣтъ свѣта и ползаютъ мокрицы, что обрадовались до пьяна тоненькому золотому лучику, просочившемуся сквозь муравьиную скважину?

Я не зналъ, куда дѣвать времени, такъ нестерпимо-медленно тянувшагося. Я придумалъ самъ для себя, что очень теперь необходимо вырыть изъ грядокъ оставшуюся морковь. Это было весело. Корни разрослись и крѣпко сидѣли въ сухой землѣ. Уцѣпишься пальцами за головку и тянешь: нѣтъ силъ. А какъ бахнетъ близкій пушечный выстрѣлъ, и звякнутъ стекла, то поневолѣ крякнешь и мигомъ вытащишь изъ гряды крупную толстую красную морковину. Точно подъ музыку.

Не сидѣлось десятилѣтней дочери. — Она, зараженная невольно общимъ сжатымъ волненіемъ и возбужденная красивыми звуками пушекъ, съ упоеніемъ помогала мнѣ, бѣгая съ игрушечнымъ ведромъ изъ огорода на чердакъ и обратно. Время отъ времени она попадала въ руки матери, и та, поймавъ ее за платье, тащила въ домъ, гдѣ уже успѣла забаррикадировать окна тюфяками, коврами и подушками. Но дѣвочка, при первой возможности, улизывала опять ко мнѣ. И такъ онѣ играли до самаго вечера.

Куда била красная армія —я не могъ сообразить: я не слышалъ ни полета снарядовъ, ни ихъ разрывовъ. Только на другой день мнѣ сказали, что она обстрѣливала не варшавскую, а балтійскую дорогу. Вкось отъ меня.

Бѣлые молчали, потому что не хотѣли обнаружить себя. Ихъ развѣдка выяснила, что путь на Гатчино заслоненъ слабо. И надо еще сказать, что Сѣверо Западная армія предпочитала опасныя ночныя операціи дневнымъ. Она выжидала сумерекъ.

И, вотъ, незамѣтно погустѣлъ воздухъ, потемнѣло небо. На Западѣ протянулась узенькая семговая полоска зари.

Глазъ пересталъ различать цвѣтъ моркови отъ цвѣта земли.

Усталыя пушки замолкли. Наступила грустная, тревожная тишина.

Мы сидѣли въ столовой при свѣтѣ стеариноваго огарка — спать было еще рано — и разсматривали отъ нечего дѣлать рисунки во словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Дочка, первая, увидала въ черномъ окнѣ зарево пожара. Мы раздвинули занавѣски и угадали безъ ошибки, что горитъ здѣшнiй совдепъ, большое, старое, прекрасное зданiе съ колоннами, надъ которымъ много лѣтъ раньше, развивался штандартъ, и гдѣ жили изъ года въ годъ потомственно, командиры синихъ кирасиръ.

Домъ горѣлъ очень ярко. Огненно золотыми тающими хлопьями летали вокругъ горящiя бумажки.

Мы поняли, что комиссары и коммунисты и всѣ красные, покинули Гатчину.

Дѣвочка расплакалась: не выдержали нервы, взбудораженные необычайнымъ днемъ и никогда не виданнымъ жуткимъ зрѣлищелъ ночного пожара. Она все увѣряла насъ, что сгоритъ весь домъ, и вся Гатчина, и мы съ нею.

Насилу ее уложили спать и долго еще она во снѣ горько всхлыпывала, точно жаловалась невидимому для насъ, кому-то очень взрослому.

VI „ДОМА-ЛЬ МАМЕНЬКА ТВОЯ"

Я курилъ махорку и перелистывалъ въ „Брокгаузѣ" прекрасные политипажи: костюмы ушедшихъ сто-и-тысячелѣтiй. Жена чинила домашнее тряпье. Мы обое—я зналъ—молча предчувствовали, что вотъ-вотъ, въ нашей жизни близится крупный переломъ.

Души были ясны и покорны. Мы никогда въ эти тяжелые годы и мертвые дни не пытались обогнать или пересилить судьбу.

Доходили до насъ слухи о возможности бѣжать изъ Россіи различными путями. Были и счастливые примѣры, и соблазны. Хватило бы и денегъ. Но самъ не понимаю, что: обостренная ли любовь и жалость къ родинѣ, наша ли общая ненависть къ массовой толкотнѣ и страхъ передъ нею, или усталость, или темная вѣра въ фатумъ — сдѣлали насъ послушными теченію случайностей; мы рѣшили не дѣлать попытокъ къ бѣгству.

Иногда, правда, шутя, мы съ маленькой путешествовали указательнымъ пальцемъ по географической картѣ.

Евсевія еще помнила, смутно, бирюзовое побережье Ниццы и—гораздо отчетливѣе—вкусныя меренги из кондитерской Фазера въ Гельсингфорсѣ. Я же разсказывалъ ей — о Даніи по Андерсену, объ Англіи по Диккенсу, о Франціи по Дюма-отцу.

Въ пылкомъ воображеніи мы посѣтили всѣ эти страны неоднократно. Судьбѣ было угодно показать намъ ихъ въ яви, почти не требуя отъ насъ никакихъ усилій для этого. Утверждаю, если человѣкъ безцѣльно, беззлобно и беззаботно мечтаетъ о невинныхъ пустякахъ, то они непремѣнно сбудутся, хотя бы и въ очень уменьшенныхъ размѣрахъ . . .

Кромѣ того, мы, голодные, босые, голые сердечно жалѣли эмигрантовъ. „Безумцы, — думали мы — на кой прахъ нужны вы въ теперешнее время за границей, не имѣя ни малѣйшей духовной опоры въ своей родинѣ? Куда васъ, дурачковъ, занесли страхъ и мнительность?“

И никогда имъ не завидовали. Представляли ихъ себѣ въ родѣ гордыхъ нищихъ, запоздало плачущихъ по ночамъ о далекомъ, миломъ, невозвратномъ отчемъ домѣ, и грызущихъ пальцы.

Вдругъ по низкой крышѣ нашего одноэтажнаго домика прокатился и запрыгалъ желѣзный горохъ. . . Застрекоталъ вдали пулеметъ. Ясно было: стрѣляютъ въ самой Гатчинѣ, или на ближнихъ окраинахъ. Мы переглянулись. Одно и то же воспоминаніе мелькнуло у насъ:

Въ маѣ 1914 года, въ Гатчинѣ, на Варшавскомъ пути, чья-то злая рука подожгла огромный поѣздъ, груженный артиллерійскими снарядами. Всего взорвалось послѣдовательно тринадцать вагоновъ. Но такъ какъ снаряды рвались не сразу вагонами, а часто-часто, одинъ за другимъ, то эта музыка продолжалась съ трехъ часовъ утра до семи. До насъ долетала шрапнельная начинка и развороченные шрапнелью стаканы, уже на излетѣ. Опасности отъ нихъ большой не было. Нужно было только не высовываться изъ дома.

На нашихъ глазахъ одинъ стаканъ (а въ немъ фунтовъ восемь, десять), пробилъ насквозь желѣзный тамбуръ надъ сѣнями, другой сшибъ трубу съ прачешной, третій снесъ съ замѣчательной ловкостью верхушку старой березы. Шрапнельная дробь все время, какъ градъ стучала по крышѣ. Мы потомъ насобирали полное лукошко этихъ вѣскихъ свинцовыхъ шариковъ, величиною съ вишню.

Нашъ домъ тогда очень мало пострадалъ. Гораздо больше досталось художнику М., домъ котораго стоялъ у самаго пути, шагахъ въ пятидесяти отъ рельсовъ. Снаряды пробивали насквозь марсельскую черепицу и падали на чердакъ. Художникъ потомъ насчиталъ 80 пробоинъ. Человѣческая жертва была одна: убило стаканомъ какую-то старушку на Люцевской улицѣ.

Но у насъ была забота посерьезнѣе матеріальнаго ущерба. Въ то время въ нашемъ домѣ помѣщался маленькій лазаретъ, всего на десять раненыхъ солдатъ. Онъ всегда бывалъ полонъ, хотя, конечно, составъ его мѣнялся. На этотъ разъ десятка была, какъ на подборъ, самая душевная, удалая и милая. Всѣ наши заботы о нихъ солдаты принимали съ покровительственнымъ добродушіемъ старшихъ братьевъ. Тонъ установился серьезный и дѣловой; въ отношеніяхъ—суровая и тонкая деликатность. Только въ минуты прощанія, передъ возвращеніемъ на фронтъ, въ грубой простотѣ раскрывались на минутку, тепло и свѣтло, человѣческія сердца. Да еще въ легкихъ мелочахъ сказывалась скрытая, не болтливая дружба. Но я, кажется, уклоняюсь въ сторону.

Пусть разскажетъ когда-нибудь Н. Н. Кедровъ о томъ, какъ чутко слушали у насъ солдаты его чудесный квартетъ, какъ широко и свободно благодарили, какъ глубоко и умно понимали красоту русской пѣсни, возстановленной въ строжайшихъ формахъ, очищенной, какъ отъ ржавчины, отъ небрежности и плохого вкуса. Настоящими добрыми хозяевами, тогда показывали себя солдаты. . . А, какъ они слушали Гоголя!

Но въ тотъ день съ ними сладу не было. Они рвались вонъ изъ лазарета, въ халатахъ, въ туфляхъ, безъ шапокъ, какъ были.

— Сестра! Сестрица! Да пустите же насъ. Вѣдь надо разчепить поѣздъ. Вѣдь страшнаго ничего. Пустое дѣло.

И не будь крѣпкихъ невидимыхъ вожжей въ рукахъ маленькой женщины, конечно, всѣ десятеро удрали бы на вокзалъ, расцѣплять поѣздной составъ. Кстати, онъ и былъ потомъ расцѣпленъ. Это сдѣлалъ тринадцатилѣтній мальчуганъ, сынъ стрѣлочника. Онъ спасъ отъ взрыва девять двойныхъ платформъ, нагруженныхъ снарядами для тяжелыхъ орудій.

Я, вѣдь, почему объ этомъ говорю. Я допускаю, что всѣ эти дорогіе моему сердцу, чудесные солдаты: Николенко, Баланъ, Дисненко, Тузовъ, Субуханкуловъ, Курицынъ, Буровъ и другіе — могли быть потомъ вовлечены мутнымъ потокомъ грязи и крови въ нелѣпую „борьбу пролетаріата“. Но русскому человѣку вовсе немудрено прожить годы разбойникомъ, а послѣ внезапно роздать награбленное нищимъ и поступивъ въ монастырь, принять схиму.

Прострочилъ пулеметъ и затихъ. Тотчасъ же, гдѣ то въ иномъ мѣстѣ, неподалеку, заработалъ другой. Остановился. Коротко точно заканчивая перебранку, плюнулъ въ послѣдній разъ дробью, и тоже замолкъ.

И долго стояла такая тишина, что только въ ушахъ звенѣло, да потрескивалъ слабо фитиль свѣчки. И вотъ гдѣ то далеко, далеко раздалась и полилась солдатская пѣсня. Я зналъ ее съ моихъ кадетскихъ

временъ. Не слышалъ ее года уже три, но теперь сразу призналъ. И, какъ будто, улавливая слова, самъ запѣлъ потихонечку вмѣстѣ съ нею:

Изъ подъ горки, да изъ подъ крутой
Ѣхалъ маіоръ молодой.
Держалъ Сашу подъ полой,
Не подъ лѣвой, подъ правой.
Держитъ Сашу подъ полой
Съ Машей здравствовался.
Здравствуй, Маша. Здравствуй Даша,
Здравствуй, милая Наташъ
Здравствуй, милая моя,
Дома ль маменька твоя.
Дома нѣту никого,
Полѣзай маіоръ въ окно.
Маіоръ ручку протянулъ. . .

Жена, пробывшая всю японскую войну подъ огнемъ, и, знавшая солдатскія пѣсни, засмѣялась (послѣ какого длиннаго промежутка!)

— Ну, ужъ это, конечно, поютъ не красные. Иди-ка спать. Завтра все узнаемъ.

Я легъ и, должно быть, уже сталъ задремывать... какъ вдругъ вся земля подпрыгнула и желѣзнымъ голосомъ крикнула на весь міръ:

Донн ъ!

Но не было страшно. Мгновенно и радостно я утонулъ въ глубокомъ, впервые безъ видѣній, снѣ.

VII ШВЕДЫ

Повторяю: точныхъ чиселъ я не помню. Не такъ давно мы съ генераломъ П. Н. Красновымъ вспоминали эту быль, отошедшую отъ насъ въ глубину семи лѣтъ и наши даты значительно разошлись. Но сама то быль сначала была похожа на прекрасную сказку.

Кто изъ русскихъ не помнитъ того волшебнаго, волнующаго чувства, которое испытываешь, увидѣвъ утромъ въ окнѣ первый снѣгъ, нападавшій за ночь!.. Описать это впечатлѣніе въ прозѣ невозможно. А въ

стихахъ это сдѣлалъ съ несравненной простотою и красотой Пушкинъ.

Вотъ такое же чузство простора, чистоты, свѣжести и радости я испытывалъ, когда мы вышли утромъ на улицу. Былъ обыкновенный солнечный, прохладный осенній день. Но душа играла и видѣла все по своему.

Изъ дома напротивъ, появилась наша сосѣдка г-жа Д., пожилая и очень мнительная женщина. Поздоровались, обмѣнялись вчерашними впечатлѣніями. Г-жа Д. все побаивалась, спрашивала, можно ли по нашему мнѣнію безопасно пройти въ городъ, къ центру.

Мы ее успокаивали. Какъ вдругъ среди насъ какъ то внезапно оказалась толстая, незнакомая, говорливая баба. Огкуда она взялась, я не могъ себѣ представить.

— Идите, идите, — затораторила она, оживленно размахивая руками. — Ничего не бойтесь. Пришли, поскидали большевиковъ и — никого не трогаютъ!

— Кто пришли то, милая? — спросилъ я.

— А шведы, пришли батюшка, шведы. И все такъ чинно, мирно, благородно, по хорошему. Шведы, батюшка.

— Откуда же вы узнали, что шведы?

— А какъ же не узнать? Въ кожаныхъ курткахъ всѣ... желѣзныя шапки... Большевицкія объявленія со стѣнъ сдираютъ. И такъ то ругаются, такъ то ругаются на большевиковъ!

— По шведски ругаются?

— Какое по шведски! Прямо по русски по матерну да такъ, что на ногахъ не устоишь. Такъ то, да разэтакъ, да этакъ то...

И посыпала, какъ горохомъ самымъ крутымъ и крупнымъ сквернословіемъ, какимъ раньше отличались волжскіе грузчики и черноморскіе боцманы, и какое нынѣ такъ легко встрѣтить въ совѣтской литературѣ. Ужъ очень въ задоръ вошла умиленная баба. Мы трое стояли, не смѣя глазъ поднять другъ на друга.

— Говорю вамъ, шведы!

Отвязались отъ нея. Пошли дальше. На правомъ углу Елизаветинской и Баговутовской, около низенькаго зеленаго, точно игрушечнаго пулемета, широко разставивъ ноги, въ кожаной курткѣ и съ французскимъ шлемомъ на головѣ торчалъ чистокровный шведъ Псковской губерніи. Былъ онъ большой, свѣжій, плотный, увѣренный въ себѣ, грудастый. Его широко разставленные зоркіе глаза искрились умомъ и лукавой улыбкой.

Увидавъ меня черезъ улицу (на мнѣ было защитнаго цвѣта, короткое пальто и мохнатая каскетка), онъ весело мотнулъ мнѣ головой и крикнулъ:

— Папаша! Вамъ бы записаться въ армію.

— Затѣмъ и иду, — отвѣтилъ я. — Это гдѣ дѣлается?

— А, вона. Гдѣ каланча. Да, поглядите, сзади васъ афишка.

Я обернулся. На стѣнѣ было приклеено бѣлое печатное объявленіе. Я прочиталъ, что жителямъ рекомендуется сдать имѣющееся оружіе коменданту города, въ помѣщеніи полиціи. Бывшимъ офицерамъ предлагается явиться туда же для регистраціи.

— Ладно, сказалъ я. И не утерпѣлъ, чтобы не поточить языкъ:

— А вы сами пскопскіе будете?

— Мы то? Пскопскіе.

— Скобари, значитъ?

— Это самое. Такъ насъ иногда дражнять.

* * *

Все просторное крыльцо полицейскаго дома и значительная часть площади были залиты сплошной толпою. Стало немного досадно: не избѣжать долгаго ожиданія очереди, а терпѣнія въ этотъ день совсѣмъ не было у меня въ запасѣ.

Но я не ждалъ и трехъ минутъ. Въ дверяхъ показался расторопный небольшого роста юноша, ловко обтянутый военно-походной формой и ремнями свѣтлой кожи.

— „Нѣтъ ли здѣсь г. Куприна?“ — крикнулъ онъ громко.

— Я!

— Будьте добры, пожалуйте за мною.

Онъ помогъ мнѣ пробраться черезъ толпу и повелъ меня какими-то нижними лѣстницами и коридорами. Меня удивляло, и по правдѣ сказать, немного безпокоило: зачѣмъ я могъ понадобиться. Совѣсть моя была совершенно чиста, но въ такихъ случаяхъ невольно дѣлаешь разныя, возможныя предположенія. Я же, какъ ни старался, не могъ придумать ни одного.

Онъ привелъ меня въ просторную, полуподвальную комнату. Тамъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ веснущатый молодой хорунжій: что онъ казакъ я угадалъ по взбитому надъ лѣвымъ ухомъ лихому чубу (казаки его называютъ „шевелюръ", ибо на ѣздѣ онъ задорно шевелится). Ходилъ взадъ и впередъ инженерный офицеръ, въ свѣтло-сѣромъ пальто. И еще я увидѣлъ стоящаго въ углу моего хорошаго знакомаго, Илларіона Павловича Кабина, въ коричневомъ френчѣ и желтыхъ шнурованныхъ высокихъ сапогахъ, очень блѣднаго, съ тревожнымъ, унылымъ лицомъ.

Офицеръ сказалъ ему:

— Я попрошу васъ удалиться въ другую комнату и тамъ подождать.

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ вовсе маленькаго роста, но полненькій и щеголеватый, въ своей прежней до-военной, саперной формѣ, весь туго подтянутый, съ свѣтло-стальными глазами въ очкахъ. Онъ назвалъ мнѣ свою фамилію и сказалъ слѣдующее:

— Я извиняюсь, что вызвалъ васъ по тяжелому и непріятному обстоятельству. Но что дѣлать? На войнѣ, а въ особенности гражданской, офицеру не приходится выбирать должностей и обязанностей, а дѣлать то, что прикажутъ. Я долженъ васъ спросить относительно этого человѣка. Я заранѣе увѣренъ, что вы скажете мнѣ только истину. Предупреждаю васъ, что каждому вашему показанію я дамъ безусловную вѣру. Въ какихъ отношеніяхъ этотъ человѣкъ, г. Кабинъ, находился, или находится къ совѣтскому правительству. Дѣло въ томъ, что я сейчасъ держу въ ру-

кахъ его жизнь и смерть . . . Здѣсь контръ-развѣдка.

О, какъ мнѣ сразу стало легко. Я дѣйствительно могъ сказать и сказалъ о Кабинѣ только хорошее.

Да, онъ былъ комиссаромъ по охранѣ Гатчинскаго дворца и его чудеснаго музея. Но такими же комиссарами назывались и пришедшіе потомъ на его мѣсто графъ Зубовъ и г. Половцевъ, чьи имена и убѣжденія выше всякихъ сомнѣній. Впослѣдствіи онъ былъ комиссаромъ по собиранію и охраненію полковыхъ музеевъ, и оченъ многое спасъ отъ расхищенія. Кромѣ же этого, онъ всего недѣлю назадъ показалъ себя и порядочнымъ человѣкомъ и хорошимъ патріотомъ. Въ его руки, путемъ взаимнаго довѣрія, попали портфели Великаго Князя съ интимной, домашней перепиской. Боясь обыска, онъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ: какъ поступить ему. Такъ какъ меня тоже обыскивали не разъ, а мѣшать сюда еще кого-либо третьяго мнѣ казалось безразсуднымъ, то я предложилъ эту корреспонденцію сжечь. Такъ мы и сдѣлали. Подъ разными предлогами услали его жену, двухъ стариковъ и четырехъ дѣтей изъ дома и растопили печку. Ключа не было, пришлось взломать всѣ двадцать четыре прекрасныхъ сафьяновыхъ портфеля и сжечь не только всю переписку, но и тщательно вырѣзать изъ угловъ золототисненные иниціалы и короны и бросить ихъ въ печку. Согласитесь — поступокъ не похожъ на большевицкій.

— Очень благодарю васъ за показаніе, сказалъ поручикъ Б. и потрясъ мнѣ руку. Всегда отрадно убѣдиться въ невинности человѣка (онъ вообще былъ немного аффектированъ). Г. Кабинъ! Вы свободны — сказалъ онъ, распахивая дверь. Позвольте пожать вашу руку.

Прощаясь съ нимъ, я не удержался отъ вопроса.

— Кто вамъ донесъ на Кабина?

Б. поднялъ руки къ небу.

— Ахъ, Боже мой! Еще съ пяти часовъ утра насъ стали заваливать анонимными доносами. Видите, на столѣ какая куча. Ужасно.

Въ корридорѣ Кабинъ кинулся мнѣ на шею и обмочилъ мою щеку.

— Я не ошибся, сославшись на васъ. Вы — ангелъ, бормоталъ онъ. Ахъ, какъ хотѣлъ бы я въ серьезную минуту отдать за васъ жизнь...

Тогда ни онъ, ни я не предвидѣли, что такая минута настанетъ и что она совсѣмъ недалека.

VIII ШИРОКІЯ ДУШИ

Когда я выбрался боковымъ выходомъ изъ полицейскаго подземелья на свѣтъ Божій, то былъ пріятно удивленъ. Въ соборѣ радостно звонили уже годъ молчавшіе колокола (церковный благовѣстъ былъ воспрещенъ совѣтской властью). Кроткіе обыватели подметали тротуары, или, сидя, на карачкахъ, выщипывали полуувядшую травку, давно выросшую между камнями мостовой (проснулось живучее, ничѣмъ неистребимое чувство собственности). Надъ многими домами развивался національный флагъ — Бѣлый-Синій-Красный.

— Что за чудо, — подумалъ я. Большевики рѣшительно требовали отъ насъ, чтобы мы, въ дни ихъ торжествъ, праздниковъ и демонстрацій, непремѣнно украшали жилища снаружи кусками красной матеріи. Нахожденіе при обыскѣ національнаго флага, несомнѣнно, грозило чекистскимъ подваломъ и, почти навѣрное, разстрѣломъ. Какая же сила, какая вѣра, какое благородное мужество и какое великое чаяніе заставляли жителей хранить и беречь эти родные цвѣта?

Да, это было трогательно. Но когда я тутъ же вспомнилъ о видѣнной мною только что горѣ анонимныхъ доносовъ, которые обыватели писали на своихъ сосѣдей, то долженъ былъ признаться самому себѣ — что я ничего не понимаю. Или это та широкая душа, которую хотѣлъ бы сузить великій писатель?

И сейчасъ же, едва завернувъ за уголъ полицейскаго дома, я наткнулся на другой примѣръ великодушія.

Шло четверо мѣстныхъ учителей. Увидя меня, они остановились. Лица ихъ сіяли.

Они крѣпко пожимали мою руку. Одинъ хотѣлъ даже облобызаться, но я во время закашлялся, закрывъ лицо рукою. „Какой великій день!—говорили они, — какой свѣтлый праздникъ“! Одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „Христосъ Воскресе“! а другой даже пропѣлъ фальшиво первую строчку пасхальнаго тропаря. Меня покоробило въ нихъ что то надуманное, точно они „представляли“.

А учитель Очкинъ, слегка отвелъ меня въ сторону, и заговорилъ вполголоса, многозначительно:

— Вотъ теперь я вамъ скажу очень важную вещь. Вѣдь вы и не подозрѣвали, а между тѣмъ въ спискѣ, составленномъ большевиками, ваше имя было одно изъ первыхъ въ числѣ кандидатовъ въ заложники и для показательнаго разстрѣла.

Я выпучилъ глаза:

— И вы давно объ этомъ знали?

— Да какъ сказать?.. мѣсяца два.

Я возмутился.

— Какъ? Два мѣсяца? И вы мнѣ не сказали ни слова.

Онъ замялся и заежился.

— Но, вѣдь, согласитесь: не могъ же я? Мнѣ эту бумагу показали подъ строжайшимъ секретомъ.

Я взялъ его за обшлагъ пальто.

— Такъ на какой же чортъ вы мнѣ это сообщаете только теперь? Для чего?

— Ахъ, я думалъ, что вамъ это будетъ пріятно...

* * *

... Ну и отличились же вскорѣ эти педагоги, эти отвѣтственные друзья, вторые отцы и защитники дѣтей!

Одновременно съ вступленіемъ бѣлой арміи, пріѣхали въ Гатчину на огромныхъ грузовыхъ автомобиляхъ благотворительные американцы. Они привезли съ собою — исключительно для того, чтобы подкормить изголодавшихся на жмыхахъ и клюквѣ дѣтей, — значительные запасы печенья, сгущеннаго молока,

рису, какао, шоколаду, яицъ, сахара, чая и бѣлаго хлѣба.

Это были канадскіе американцы. Воспоминанія о нихъ для меня священны. Они широко снабжали необходимыми медицинскими средствами всѣ военные аптеки и госпитали. Они перевозили раненыхъ и больныхъ. Въ ихъ обращеніи съ русскими были спокойная вѣжливость и истинная христіанская доброта— сотни людей благословляли ихъ.

Со своей сѣверо-американской точки зрѣнія они, конечно, не могли поступить болѣе разумно и практично, какъ избрать мѣстныхъ учителей посредствующимъ звеномъ между дающей рукой и дѣтскими ртами. Вѣдь очень давно и очень хорошо, съ самой похвальной стороны, извѣстенъ престижъ американскаго учителя въ обществѣ.

Но извѣстно также — по крайней мѣрѣ намъ, — что въ Россіи „особенная стать"'

Такимъ густымъ, обильнымъ потокомъ полилось жирное какао въ учительскіе животы, такія живописныя яичницы-глазуньи заворчали на ихъ учительскихъ сковородахъ, такой разнообразный наборъ пищевыхъ пакетовъ наполнилъ полки учительскихъ буфетовъ, комодовъ, шкафовъ и кладовокъ, что добрые канадцы только ахнули. Да надо сказать, что учительницы, которымъ довѣряли дѣтскія столовыя, оказались не лучше.

Но эти злыя мелочи не отвратили и не оттолкнули умную американскую благотворительность отъ прекраснаго добраго дѣла.

Они только, черезъ головы русской общественности, вынесли чисто практическое рѣшеніе.

„Мы теперь должны позаботиться сами, чтобы на нашихъ глазахъ каждая ложка и каждый кусокъ попали въ дѣтскіе рты по прямому назначенію".

Такъ и сдѣлали. Я не особенно старался воображать себѣ, какое мнѣніе о русскомъ обществѣ увезли съ собой домой, въ Канаду, славные американцы.

Вотъ еще нелѣпая встрѣча: разставшись съ учителями, я подъ-рядъ встрѣтился съ г. К. Это былъ очень приличный, довольно значительный чиновникъ, не знаю какого вѣдомства. Я былъ знакомъ съ нимъ

только шапочно. Всегда онъ былъ холодно-вѣжливъ, суховато-обязателенъ и на гатчинскихъ жителей поглядывалъ немножко свысока. Онъ былъ коллекціонеромъ, собиралъ красное дерево и фарфоръ. Въ Гатчинѣ множество находилось этого добра и за дешевыя цѣны. Когда то здѣсь жили Орловъ, Потемкинъ и Павелъ I. Екатерина бывала часто гостьей во дворцѣ, гдѣ камни и паркеты создавались по рисункамъ Растрелли и Еваренги. Тамъ жизнь была когда то богатая и красивая.

Г-нъ К. поздоровался со мной необычайно оживленно.

— Поздравляю, поздравляю! — сказалъ онъ. — А кстати. Ходили уже смотрѣть на повѣшенныхъ?

— Я о нихъ ничего не слыхалъ.

— Если хотите, пойдемте вмѣстѣ. Вотъ тутъ недалеко, на проспектѣ. Я ужъ два раза ходилъ, но съ вами, за компанію, посмотрю еще.

Конечно, я не пошелъ. Я могу подолгу смотрѣть на мудрую таинственную улыбку покойниковъ, но видъ насильственно умершихъ мнѣ отвратителенъ.

Г-нъ К. разсказалъ мнѣ подробно, что были утромъ повѣшены: гатчинскій портной Хиндовъ и какой то оставшійся дезертиръ изъ красныхъ. Они взломали магазинъ часовщика, еврея Волка и ограбили его. Хиндовъ взялъ только швейную машину. Красноармеецъ захватилъ съ собой нѣсколько дешевыхъ часовъ. Волкъ въ это время былъ съ семьей въ городѣ. Грабителей схватила публика и отдала въ руки солдатъ. Обоихъ повѣсили рядомъ на одной березѣ и прибили бѣлый листокъ съ надписью: „за грабежъ населенія“.

Было еще двое убитыхъ. Одинъ неизвѣстный никому человѣкъ, должно быть, яростный коммунистъ. Онъ взобрался на дерево и сталъ оттуда стрѣлять въ каждаго солдата, который показывался въ полѣ его зрѣнія. Его окружили. Онъ выпустилъ цѣлую ленту изъ маузера и послѣ этого былъ застрѣленъ. Запутался въ вѣткахъ, и трупъ его повисъ на нихъ. Такъ его и оставили висѣть.

А другой ... да, другой — былъ несчастный Яша Файнштейнъ. Онъ выполнилъ свое обѣщаніе:

влѣзъ на возъ съ капустой, очень долго и яростно проклиналъ Бога, всѣхъ царей, буржуевъ и капиталистовъ, всю контръ-революціонную сволочь и ея вождей.

Его многіе знали въ Гатчинѣ... Нѣкоторыя лица пробовали его уговорить, успокоить. Куда! Онъ былъ въ припадкѣ бѣшенства. Его схватили солдаты, отвезли въ Пріоратскій паркъ и тамъ разстрѣляли.

У него была мать. Ей слишкомъ поздно сказали о Яшиной іеремiадѣ. Можетъ быть, если бы она поспѣла во время — ей удалось бы спасти сына. Она могла бы разсказать, что Яша годъ назадъ сидѣлъ въ психіатрической лечебницѣ у д-ра Кашенко, въ Сиворицахъ.

Ахъ, Яша! Мнѣ и до сихъ поръ его остро жалко. Я не зналъ ничего о его душевной болѣзни.

Да и первый коммунистъ — не былъ ли больнымъ?

IX РАЗВѢДЧИКЪ СУВОРОВЪ

Въ помѣщеніи коменданта была непролазная давка. Не только пробраться къ дверямъ его кабинета, но и повернуться здѣсь было трудно. Однако, буравя толпу и возвышаясь надъ ней цѣлой головою — черной, потной и лохматой — прокладывалъ себѣ путь въ ея гущинѣ рослый, веселый солдатъ безъ шапки и кричалъ зычнымъ, хриплымъ голосомъ, точно средневѣковый вербовщикъ (по своему онъ былъ краснорѣчивъ).

„Записывайтесь, граждане! Записывайтесь, православные! Будетъ вамъ корчиться отъ голода и лизать большевикамъ пятки. Будетъ вамъ прятаться подъ бабьи юбки и грѣть ж.. на лежанкѣ. Мы не одни, за нами союзники: англичане и французы! Завтра придутъ танки! Завтра привезутъ хлѣбъ и сало! Видѣли небось, какъ передъ нами бѣгутъ красные? Недѣли не пройдетъ, какъ мы возьмемъ Петербургъ, вышибемъ къ чертовой матери всю большевицкую сволочь и освободимъ родную Россію. Слава

будетъ намъ, слава будетъ и вамъ! А если уткнетесь въ тараканьи щели — какая же вамъ, мужикамъ, честь? Не мужчины вы будете, а г.... Тфу!

„Не бойтесь: впередъ на позиціи не пошлемъ — возьмемъ только охотниковъ, кто помоложе и похрабрѣе. А у кого кишка потоньше — тому много дѣла будетъ охранять городъ, конвоировать и стеречь плѣнныхъ, нести унутреннюю службу. Записывайтесь молодцы! Записывайтесь красавцы! Торопитесь граждане!“

Очень жалко, что я теперь не могу воспроизвести его лапидарнаго стиля. Да, впрочемъ, и бумага не стерпѣла бы. Его слушали оживленно и жадно. Не былъ ли это всѣмъ извѣстный храбрецъ и чудакъ Румянцевъ, фельдфебель первой роты Талабскаго полка?

Я рѣшилъ зайти въ комендантскую послѣ обѣда, кстати захвативъ паспортъ и оружіе.

Не успѣлъ я раздѣться, какъ къ моему дому подъѣхали двое всадниковъ: офицеръ и солдатъ. Я отворилъ ворота. Всадники спѣшились. Офицеръ подходилъ ко мнѣ, смѣясь.

— Не узнаете? — спросилъ онъ.

— Простите... что то знакомое, но...

— Поручикъ Р-скій.

— Батюшки! Вотъ волшебное измѣненіе. Войдите, войдите, пожалуйста.

И мудрено было его узнать. Видѣлись мы съ нимъ въ послѣдній разъ осенью 17-го года. Онъ тогда, окончивъ Михайловское училище, держалъ экзаменъ въ Артиллерійскую Академію и каждый праздникъ пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Гатчину къ своимъ старенькимъ родственникамъ, у которыхъ я часто игралъ по вечерамъ въ винтъ: у нихъ и встрѣтились.

У насъ было мало общаго, да и не могу сказать, чтобы онъ мнѣ очень нравился. Былъ и недуренъ собою, и молодъ, и вѣжливъ, но какъ то черезчуръ весь застегнутъ — въ одеждѣ и въ душѣ; зналъ напередъ, что скажетъ и что сдѣлаетъ, не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты, не смѣялся, не танцовалъ, но любилъ сладкое. Даже честолюбія въ немъ не

было замѣтно: былъ только холоденъ, сухъ, порядоченъ и безцвѣтенъ. Такіе люди можетъ быть и цѣнны, но — просто у меня не лежитъ къ нимъ сердце.

Теперь это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Во-первыхъ, онъ потерялъ въ походѣ пенснэ съ очень сильными стеклами. Остались два красныхъ рубца на переносицѣ; а поневолѣ чуть косившіе сѣрые глаза сіяли добротой, довѣріемъ и какой-то лучистой энергіей. Рѣшительно онъ похорошѣлъ. Во-вторыхъ, сапоги его были мѣсяцъ какъ не чищены, фуражка скомкана, гимнастерка смята и на ней не доставало нѣсколькихъ пуговицъ. Въ-третьихъ, движенія его стали свободны и широки. Кромѣ того, онъ совсѣмъ утратилъ натянутую сдержанность. Куда дѣвался прежній „тоняга"?

Я предложилъ ему поѣсть, чего Богъ послалъ. Онъ охотно безъ заминки согласился и сказалъ:

— Хорошо было бы папироску, если есть.

— Махорка.

— О, все равно. Курилъ березовый вѣникъ и мохъ! Махорка — блаженство!

— Тогда пойдемте въ столовую. А вашего денщика мы устроимъ... — сказалъ я и осѣкся.

Р-скій нагнулся ко мнѣ и застѣнчиво, вполголоса сказалъ:

— У насъ нѣтъ почтеннаго института денщиковъ и вѣстовыхъ. Это мой развѣдчикъ, Суворовъ.

Я покраснѣлъ Но огромный рыжій Суворовъ отозвался добродушно.

— О насъ не безпокойтесь. Мы посидимъ на куфнѣ.

Но все-таки я поручилъ развѣдчика Суворова вниманію степенной Матрены Павловны, и повелъ офицера въ столовую. Суворову же сказалъ, что, если нужно сѣна, оно у меня въ сѣновалѣ, надъ флигелемъ. Немного, но для двухъ лошадей хватитъ.

— Вотъ это ладно, — сказалъ одобрительно развѣдчикъ. — Кони, признаться, во все голодные.

Обѣдъ у меня былъ, не Богъ знаетъ какой пышный: похлебка изъ столѣтней сушеной воблы съ пшеномъ, да картофель жареный на сезанномъ маслѣ (я до сихъ поръ не знаю, что это за штука сезанное

масло; знаю только, что оно, какъ и касторовое, не давало никакого дурного отвкуса, или запаха, и даже было предпочтительнѣе, ибо касторовое — даже въ жареномъ видѣ — сохраняло свои разрывныя качества). Но у Р-скаго былъ чудесный аппетитъ и, выпивъ рюмку круто разбавленнаго спирта, онъ съ душою воскликнулъ, раздѣляя слога:

— Вос-хи-ти-тель-но!

Расцѣловать мнѣ его хотѣлось въ эту минуту — такой онъ сталъ душечка. Только буря войны своимъ страшнымъ дыханіемъ такъ выпрямляетъ и дѣлаетъ внутренне красивымъ незауряднаго человѣка. Ничтожныхъ она топчетъ еще ниже — до грязи.

— А развѣдчику Суворову послать? спросилъ я.

— Онъ, конечно, можетъ обойтись и безъ. Однако, не скрою, былъ бы польщенъ и обрадованъ.

За обѣдомъ и потомъ за чаемъ Р-скій разсказывалъ намъ о послѣднихъ эпизодахъ наступленія на Гатчину.

Онъ и другіе артиллеристы вошли въ ту колонну, которая преодолѣвала междуозерное пространство. Я ужъ не помню теперь расположенія этихъ рѣчекъ: Яны, Березны, Соби и Желчи; этихъ озеръ: Самро, Сяберскаго, Заозерскаго, Газерскаго. Я только помнилъ изъ красныхъ газетъ и сказалъ Р скому о томъ, что высшій военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Троцкаго, объявилъ это междуозерное пространство абсолютно непроходимымъ.

— Мы не только прошли его, но протащили легкую артиллерію. Чортъ знаетъ, чего это стоило, я даже потерялъ пенснэ.

— Какіе солдаты! Я не умѣю передать — продолжалъ онъ. Единственный ихъ недостатокъ — не сочтите за парадоксъ — это то, что они слишкомъ зарываются впередъ, иногда вопреки диспозиціи, увлекая невольно за собою офицеровъ. Какое то бѣшеное стремленіе! Другихъ надо подгонять, — этихъ удержать нельзя. Всѣ они, безъ исключенія, добровольцы, или старые боевые солдаты, влившіеся въ армію по своей охотѣ. Возьмите Талабскій полкъ. Онъ вчера первымъ вошелъ въ Гатчину. Основной кадръ его это рыбаки съ Талабскаго озера. У нихъ до сихъ

поръ и говоръ свой собственный, все они цокаютъ: поросеноцекъ, курецька, цицвергъ. А въ бояхъ — тигры. До Гатчины они трое сутокъ дрались безъ перерыва; когда спали — неизвѣстно. А теперь уже идутъ на Царское Село. Таковы и всѣ полки.

— Смѣшная исторія — продолжалъ онъ — случилась вчера вечеромъ. Талабцы уже заняли окраины Гатчины, со стороны Балтійскаго вокзала, а тутъ подошелъ съ Сиверской Родзянко со своей личной сотней. Они столкнулись и не разобравшись въ темнотѣ, начали поливать другъ друга изъ пулеметовъ. Впрочемъ, скоро опознались. Только одинъ стрѣлокъ легко раненъ.

Я ночью слышалъ какой-то рѣзкій взрывъ, — сказалъ я.

— Это тоже Талабанцы. Капитанъ Лавровъ. На Балтійскомъ вокзалѣ укрылась красная засада. Ее и выставили ручной гранатой. Всѣ сдались.

Р-скій собирался уходить. Мы въ передней задержались. Дверь въ кухню была открыта. Я увидѣлъ и услышалъ милую сцену.

Матрена Павловна, тихая, слабая, деликатная старая женщина сидѣла въ углу, вытирая платочкомъ глаза. А развѣдчикъ Суворовъ, вытянувъ длинныя ноги, такъ что онѣ загородили, отъ угла до угла, всю кухню, и развалившись локтями на столъ, говорилъ нѣжнымъ фальцетомъ:

— Житье, я вижу, ваше паршиво. Ну, ничего, не пужайтесь болѣ, Матрена Павловна. Мы васъ накормимъ и упокоимъ и отъ всякой нечисти отобьемъ. Живите съ вашимъ удовольствіемъ, Матрена Павловна, вотъ и весь сказъ.

Р-скій уѣхалъ со своимъ развѣдчикомъ. Я провожалъ его. На прощаніе онъ мнѣ сказалъ, что меня хотѣли повидать его сотоварищи артиллеристы. Я сказалъ, что буду имъ радъ во всякое время.

Возвращаясь черезъ кухню, я увидѣлъ на столѣ свертокъ.

— Не солдатъ ли забылъ, Матрена Павловна?

— Ахъ, нѣтъ. Самъ положилъ. Сказалъ — это нашему семейству въ знакъ памяти. Я говорю: за-

чѣмъ? намъ безъ надобности, а онъ говоритъ: чего ужъ.

Въ пакетѣ былъ: бѣлый хлѣбъ и кусокъ сала.

X ХРОМОЙ ЧОРТЪ

День этотъ былъ для меня полонъ сумятицы, встрѣчъ, новыхъ знакомствъ, слуховъ и новостей. Подробностей мнѣ теперь не вспомнить. Такіе безконечно длинные дни, и столь густо напичканные лицами и событіями, бываютъ только въ романахъ Достоевскаго и въ лихорадочныхъ снахъ.

Идя къ коменданту, я увидѣлъ на заборахъ новыя объявленія: бѣлые узкіе листки съ четкимъ краткимъ текстомъ:

„Начальникъ гарнизона полковникъ Пермикинъ предписываетъ гражданамъ соблюдать спокойствіе и порядокъ" и больше ничего.

Комендантъ принялъ меня, поднявшись мнѣ навстрѣчу съ кожанаго продраннаго дивана. Наружность его меня поразила. Онъ былъ высокъ, худощавъ, голубоглазъ и курносъ. Вьющіеся бѣлокурые волосы въ художественномъ безпорядкѣ спускались на его лобъ. Похожъ онъ былъ на старинные портреты военныхъ молодыхъ героевъ временъ отечественной войны 1812-го года, но было въ немъ еще что-то общее съ Павломъ I, бронзовая статуя которая высится на цоколѣ противъ Гатчинскаго дворца. Взглядъ его былъ открытъ, смѣлъ, веселъ и проницателенъ; слегка прищуренный — онъ производилъ впечатлѣніе большой силы и твердости.

Я „явился" ему по формѣ. Онъ оглянулъ меня сверху внизъ и какъ-то сбоку, по пѣтушиному. Съ досадою прочиталъ я въ его быстромъ взорѣ обидную, но неизбѣжную мысль:

„А лѣтъ тебѣ, все-таки, около пятидесяти".

— Прекрасно — сказалъ онъ любезнымъ тономъ. — Мы рады каждому свѣжему сотруднику. Вѣдь, если я не ошибаюсь, вы тотъ самый . . . Купринъ . . . писатель?

— Точно такъ, господинъ капитанъ.

— Очень пріятно. Чѣмъ же вы хотите быть намъ полезнымъ?

Я отвѣтилъ старой солдатской формулой.

— Никуда не напрашиваюсь, ни отъ чего не откажусь, г. капитанъ.

— Но приблизительно . . . имѣя въ виду вашу профессію?

— Могъ бы писать въ прифронтовой газетѣ. Думаю, что сумѣлъ бы составить прокламацію или воззваніе . . .

— Хорошо, я объ этомъ подумаю и разузнаю, а сейчасъ напишу вамъ препроводительную записку въ штабъ арміи. Теперь же отбросьте всякую офиціальность. Садитесь. Курите.

Онъ пододвинулъ мнѣ раскрытый серебряный портсигаръ, съ настоящими, богдановскими папиросами. Я совсѣмъ отвыкъ отъ турецкаго табака. Отъ первой же затяжки у меня томно помутнѣло въ глазахъ и блаженно закружилась голова.

Когда комендантъ окончилъ писать, я осторожно спросилъ о событіяхъ прошедшей ночи.

Лавровъ охотно разсказывалъ (умолчавъ, однако, о недоразумѣніи съ пулеметами). .Еще ночью былъ назначенъ комендантомъ города командиръ 3 го баталіона Талабскаго полка, полковникъ Ставскій. Онъ тотчасъ же занялъ товарный вокзалъ съ желѣзнодорожными мастерскими и такъ нажалъ на рабочихъ, что къ разсвѣту уже стоялъ на рельсахъ, съ готовымъ паровозомъ, ямбургскій поѣздъ. Недаромъ онъ, по прежней службѣ, военный инженеръ. Утромъ Ставскій опять принялъ свой баталіонъ, чѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ, а обязанности коменданта возложили на капитана Лаврова, къ его великому неудовольствію. Эти изумительные офицеры С. З. арміи боялись штабныхъ и гарнизонныхъ должностей гораздо больше, чѣмъ люди заѣвшіеся и распустившіеся въ тылу боятся назначенія въ боевыя части. Таковъ ужъ былъ ихъ военный порокъ. Бои были для нихъ ежедневнымъ привычнымъ дѣломъ, а стремительное движеніе впередъ стало душевной привычкой и неисправимой необходимостью.

— Возражать противъ приказанія у насъ никто и подумать не смѣетъ — говорилъ Лавровъ. — Ну, вотъ, я, скажемъ, комендантъ. Прекрасно. Они говорятъ: ты хромой, тебѣ надо передохнуть. Да, дѣйствительно, я хромой. Старая рана. Когда сблизимся — большевики мнѣ всегда орутъ: „Хромой чортъ! Опять ты зашкандыбалъ, растакъ-то и растакъ-то твоихъ близкихъ родственниковъ“?

Но, вѣдь, я же вовсе не расположенъ отдыхать. Ну, да, я — комендантъ. Но душа моя вросла вся въ 1-ую роту Талабскаго полка. Я ею командовалъ съ самаго начала, съ перваго дня формированія полка изъ талабскихъ рыбаковъ, когда мы бомбами вышибали большевиковъ изъ комиссаріатовъ и совдеповъ.

— Какъ вчера? — лукаво спросилъ я.

Онъ махнулъ рукой, съ безпечной улыбкой.

— Пустяки. Главное то, что я, вотъ, сижу и обывательскую труху разбиваю, а семеновцы и талабцы ужъ поперли скорымъ маршемъ на Царское, и моя рота впереди, но ужъ не подъ моей командой. Впрочемъ, скоро вы ни одного солдата въ Гатчинѣ не увидите. Мы наши боевыя части всегда держимъ на окраинахъ, по деревнямъ и мысамъ, а городовъ избѣгаемъ. Только штабы въ городахъ. Соблазна много: бабы, притоны, самогонъ и все такое.

Я, вспомнивъ объ утреннихъ повѣшенныхъ громилахъ, спросилъ:

— Ну, какъ же безъ солдатъ можно ручаться за порядокъ въ городѣ?

— Будьте спокойны. Вы видѣли только-что расклеенныя объявленія? Видѣли, кто ихъ подписалъ?

— Полковникъ Пермикинъ, — сказалъ я.

— И баста. Точка. Теперь, правда, ужъ не полковникъ, а генералъ. Сегодня послѣ молебна генералъ Родзянко его поздравилъ съ производствомъ. Но все равно, разъ начертано его имя, то можете сказать всѣмъ гатчинскимъ байбакамъ, что они могутъ спать спокойно, какъ грудные младенцы.

— Строгъ?

— Въ бою лютъ, стрѣлками обожаемъ. Въ службѣ требователенъ. Въ другое время серьезенъ и добръ, но всетаки надо вокругъ него ходить съ опаскою,

безъ покушеній на близость. Зато слово его твердо, какъ алмазъ и даромъ онъ его не роняетъ.

— Шутки съ нимъ, значитъ, плохи?

— Не рекомендовалъ бы. Онъ развлекается совсѣмъ по своему. Да, вотъ, сегодня, всего часа три назадъ, что онъ сдѣлалъ! — Лавровъ вдругъ громко, по юношески расхохотался. — Подождите, я сейчасъ разскажу вамъ. Только отпущу этихъ четырехъ. (Надо сказать, что во все время нашего разговора онъ не переставалъ спокойно подписывать бумаги, отдавать приказанія и принимать разношерстный народъ).

— Ну, теперь послушайте. Это — потѣха.

И онъ передалъ мнѣ слѣдующее, что я передаю, какъ умѣю:

По случаю благополучнаго занятія Гатчины, назначенъ былъ въ соборѣ молебенъ (звонъ къ нему я слышалъ утромъ), а послѣ него парадъ, который долженъ былъ принять генералъ Родзянко. Въ храмъ прибыло все военное командованіе, всѣ свободные отъ службы офицеры, присутствовалъ, конечно, и Перемикинъ, тогда еще полковникъ, а черезъ полчаса генералъ.

Но въ началѣ богослуженія у него вдругъ всплыла въ головѣ безпокойная мысль. Онъ за нынѣшній день отдалъ безчисленное количество приказаній и въ ихъ числѣ распорядился, чтобы было перерыто, около Вайволы шоссе, ведущее на Петербургъ. Городъ былъ почти пустъ, а, по даннымъ развѣдки, гдѣ-то, на пути къ сѣверу, задержалась большая красная часть съ броневикомъ германскаго типа. Отъ нея всегда можно было ожидать внезапнаго налета. И Перемикинъ затревожился: точно ли было понято его приказаніе, и приведено ли оно въ исполненіе.

Наконецъ, онъ не утерпѣлъ. Подалъ головою знакъ своему адъютанту, и они потихоньку вышли изъ церкви на площадь, гдѣ дожидался ихъ быстроходный автомобиль Перемикина съ двумя шоферами-финнами, которые уже давно были извѣстны своимъ баснословнымъ финскимъ хладнокровіемъ, позволявшимъ имъ выполнять точно, безукоризненно и находчиво самые безумные виражи.

Быстро проскочили они Гатчину, артиллерійскія казармы, заставу, Орлову рощу. У Вайволы толпились

на шоссе люди съ кирками, мотыгами и лопатами. Шли съ предѣльной скоростью. На мигъ почудилось Перемикину, что передъ нимъ мелькнула и тотчасъ же уплыла назадъ разсыпанная цѣпь пѣхоты. Онъ хотѣлъ уже остановить моторъ. Но было поздно. За поворотомъ выросла красноармейская застава. Двое солдатъ съ ружьями на перевѣсъ бѣжали къ автомобилю.

При такомъ положеніи — все дѣло въ находчивости... Перемикинъ приказалъ автомобилю остановиться, а самъ онъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ, какъ были въ золотыхъ погонахъ, высунулись и стали дѣлать красноармейцамъ подзывающіе жесты. Тѣ не успѣли еще подбѣжать, какъ Перемикинъ издали закричалъ:

— Скорѣе, товарищи, скорѣе! За нами гонятся бѣлые! Мы ѣдемъ сдаться красному командованію! Дорога каждая минута! Укажите, какъ здѣсь проѣхать въ красный штабъ! Да, впрочемъ, чего лучше, доставьте насъ туда сами. Полѣзайте-ка, товарищи! Живо!

Оторопѣлые красноармейцы послушно полѣзли въ автомобиль. Дверца захлопнулась. Перемикинъ послалъ озиравшемуся назадъ финну быстрый кругообразный знакъ указательнымъ пальцемъ. Въ ту же секунду два револьвера уперлись въ лбы красныхъ солдатъ.

— Клади оружіе!

Моторъ круто повернулся назадъ и полетѣлъ стремглавъ въ Гатчину.

Въ церкви пѣли „Спаси, Господи, люди Твоя“, когда въ нее вошелъ незамѣтно и безшумно Перемикинъ. Сдавъ своихъ языковъ конвою, онъ еще успѣлъ прослушать короткую, прекрасную проповѣдь отца Іоанна и отсалютовать шашкой на парадѣ генералу Родзянко, поздравившему его съ генеральскимъ чиномъ.

* *
*

Но уже пора мнѣ было откланяться. Лавровъ добродушно просилъ меня заходить почаще. „Вамъ нужны всякія наблюденія, а я каждый день здѣсь буду торчать до глубокой ночи“.

Я спохватился:

— Кому здѣсь сдаютъ оружіе?

— Спуститесь внизъ, въ контръ-развѣдку.

XI ОБРЫВКИ

Только вчера (15-го янв. 1927 г.) вспомнилъ я о моей старинной записной книжкѣ и съ великимъ трудомъ отыскалъ ее въ бумажномъ мусорѣ. Это даже не книжка, а побурѣвшіе клочки бумаги, безъ переплета, исписанныя карандашными каракулями; большинство страницъ пропало безслѣдно.

Хлопотливый день моей явки къ коменданту, уцѣлѣлъ и помѣченъ 17-мъ октября. Выписываю скорѣе по догадкамъ, чѣмъ по тексту, то, что тогда впопыхахъ занесено.

17-ое октября

„Отъ Л.—въ Штабъ корпуса. Это бывшая учительская семинарія. Никогда не былъ. Прекрасное зданіе (внутри), большія залы. Свѣтъ. Паркеты. Адъютантъ типичный штабной. Шикарный френчъ, лакированные сапоги, бѣлыя руки. Самъ длинный, тонкій, вымытый. Проборъ. Напоминаетъ мнѣ о старомъ знакомствѣ. Не вспомнилъ. Сдѣлалъ видъ: какъ же, какъ же. Фамилія птичья. Забылъ. Смотрѣли на карту, чтобы меня оріентировать въ положеніи. Штука: онъ плохо разбирается, читаетъ карту „отъ топографической печки".

Начальникъ штаба Видягинъ. Рослый, хорошо сложенъ, сильный, строгій. Загорѣлъ густо, въ оливковый цвѣтъ. Прилаживалъ и примѣрялъ полковничьи пагоны (сегодня произведенъ; одна полоска лишняя). Съ нимъ должно быть тяжело. Ходитъ по кабинету. Большіе шаги, крѣпко стучитъ каблуками. Весь прямъ и грудь напружена. Голова бодливо опущена, руки за спиной, хмурится, лицо выражаетъ важность и глубокую мысль. Наполеонъ?

Обое спрашивали о Горькомъ, Шаляпинѣ (тоже и Лавровѣ). Хотѣлось разсказать о словахъ Троцкаго („Правда") въ высшемъ совѣтѣ (давно): „Гатчино отдадимъ, а бой примемъ около Ижорки, въ мѣстности болотистой (Лопатинъ) и очень пересѣченной". Не рѣшился. Все таки не свой, полу-шпакъ. Оборвутъ.

— В. спросилъ меня, не соглашусь ли я взять на себя регистрацію плѣнныхъ и добровольцевъ. Конечно, не по мнѣ, но... „Слушаю, г. полковникъ“. Отпущенъ былъ благосклонно. Однако, суровая здѣсь атмосфера. Да и надо такъ.

Зашелъ въ контръ-развѣдку. Тамъ опять Кабинъ. Сдалъ ноганъ казаку съ веснушками и шевелюромъ. Онъ улыбнулся немного презрительно и горько. „Я бы свое оружіе никогда не отдалъ“. Мальчикъ! Портсигаръ въ рукахъ находчиваго человѣка стоитъ больше, чѣмъ револьверъ въ рукахъ труса. А сколько было людей невинно продырявлено дураками и рукосуями. Савинковъ мнѣ говорилъ (1912 г. Ницца): „Вѣрьте, заряженный револьверъ просится и понуждаетъ выстрѣлить“. Но въ отместку подхорунжему я сказалъ: „Я не жалѣю. У меня дома остался револьверъ, системы Мервинга, съ выдвижнымъ барабаномъ. Онъ не больше женской ладони, а бьетъ какъ браунингъ“. И, правда, этотъ хорошенькій револьверъ лежалъ у меня между стѣнкой и привинченной къ ней ванной. Его могла извлечь оттуда только маленькая ручка десятилѣтней дѣвочки.

Кабинъ провожалъ меня. Сказалъ:

— Поручикъ Б. предлагаетъ мнѣ служить въ контръ-развѣдкѣ. Помогите: какъ быть?

Я: Регистрировались? — Да. — Въ такомъ случаѣ это предложеніе равно приказу.

— Но что дѣлать? Мнѣ бы не хотѣлось.

Я разсердился. — „Мой совѣтъ—идите за событіями. Такъ вѣрнѣе будетъ. Ершиться нечего. Вотъ я оказалъ вамъ случайную помощь... Нѣтъ, нѣтъ, это былъ просто долгъ мало-мальски честнаго человѣка. Поручикъ Б. требуетъ услугу за услугу. Но вѣдь и въ контръ-развѣдкѣ вы сами можете послужить справедливости и добру, и при томъ легко: только правдой. Видите какой ворохъ доносовъ?“

Простились.

(1927 годъ). И надо сказать онъ безукоризненно работалъ на этомъ мѣстѣ сдѣлавъ много добраго. Онъ живой, напористый и чуткій человѣкъ. Притомъ съ совѣстью. Пишетъ теперь премилые разсказы.

„Зашелъ на вокзалъ посмотрѣть привезенные танки. Ромбическія сороконожки, скалапендры. Ржаво-

сѣрые. На брюхѣ и на спинѣ сотни острыхъ цѣплячекъ. Попадетъ въ крутой оврагъ и изгибаясь выползетъ по другому откосу. Въ бою должны быть ужасающими. Ихъ пять. Вотъ имена, пишу по памяти: „Доброволецъ“, „Капитанъ Крами“. (Вѣское наименованіе). „Скорая помощь“, „Бурый медвѣдь“... Стопъ заѣло (справиться) Господи. Будетъ ли?

• Купилъ погоны поручичьи, безъ золота, у Сысоева въ лавкѣ старыхъ вещей. Это уже въ четвертый разъ ихъ надѣваю: Ополченская дружина, Земгоръ, Авіаціонная школа и вотъ — Сѣверо-Западная армія. Дома мнѣ обѣщали смастерить добровольческій уголъ на рукавъ. Усталъ... Сейчасъ пріѣхали артиллеристы: Р-скій и еще четыре. Что за милый свѣжій жизнерадостный народъ. Какъ деликатны и умны. Не даромъ Чеховъ такъ любилъ артиллеристовъ.

Разспрашиваютъ о нашемъ бытіи, о красныхъ повелителяхъ. Жалѣютъ, сочувствуютъ, возмущаются. И въ концѣ концовъ непремѣнно все-таки разспросы о Горькомъ и о Шаляпинѣ. Право, ужъ мнѣ надоѣло разсказывать.

Они разсказали много интереснаго. Между прочимъ: та вчерашняя отчетливая пальба, которая такъ радостно волновала меня и Евсевію, шла не отъ Коннетабля, и не съ аэродрома, какъ мнѣ казалось, а нѣсколько южнѣе. Стрѣлялъ бронепоѣздъ „Ленинъ“, остановившійся за слѣдующей станціей послѣ гатчинскаго Балтійскаго вокзала.

— Чортъ бы его побралъ, этотъ бронепоѣздъ — сказалъ съ досадою капитанъ Г. — Онъ намъ уже не разъ встрѣчался въ наступленіи, когда мы приближались къ желѣзнодорожному пути. Конечно, онъ нѣмецкаго издѣлія, послѣднее слово военной науки, съ двойной броней венадіевой стали. Снаряды нашей легкой артиллеріи отскакивали отъ него, какъ комки жеванной бумаги, а мы подходили почти вплотную. И надо сказать, что на немъ была великолѣпная команда. Подъ Волосовымъ намъ удалось взорвать віадукъ, на его пути, и въ двухъ мѣстахъ испортить рельсы. Но „Ленинъ“ открылъ сильнѣйшій огонь — пулеметный и артиллерійскій — и спустилъ десантную команду. Конно-Егерскій полкъ обстрѣливалъ команду въ

упоръ, но она чертовски работала. Не могу представить, какія были въ ея распоряженіи спеціальныя приспособленія! Она подъ огнемъ исправила путь, и „Ленинъ“ ушелъ въ Гатчино.

Съ огорченнымъ лицомъ Г. помолчалъ немного, потомъ продолжалъ:

— Долженъ сказать, что виною отчасти были наши снаряды. Большинство не разрывалось. Мы наскоро сдѣлали подсчетъ: изъ ста выстрѣловъ получалось только 19 разрывовъ. Да это что еще? Намъ прислали хорошія орудія, но всѣ безъ замковъ. „Гдѣ замки?“. Оказывается — „забыли“ . . .

— Но кто же посылалъ орудія и снаряды? — спросилъ я.

Г. помялся, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Не надо бы . . . Но скажу, по секрету . . . Англичане . . .

Прежде чѣмъ имъ уѣхать, я, забывъ мудрое правило „не напрашиваться и не отказываться“, попросилъ ихъ прислать за мною артиллериста съ запасной лошадью, чтобы пріѣхать къ нимъ на позицію.

— Лошадь, — сказалъ я, — мнѣ все равно какая будетъ, хоть крестьянская кляченка. Но если возможно . . .

Они уѣхали, обѣщавъ мнѣ сдѣлать это. Условились о времени. Но такъ и не прислали. Полсутокъ въ Гатчинѣ — это была ихъ послѣдняя передышка. Дальше — они всѣ втянулись въ непрерывные бои, вплоть до отступленія, и отдохнули только въ Нарвѣ, горькимъ отдыхомъ.

XII ГАЗЕТА

Итакъ: я готовился къ кропотливой работѣ по регистраціи и не могу сказать, чтобы это будущее занятіе рисовалось мнѣ въ чертахъ занятныхъ и привлекательныхъ. Предвидѣлъ я, что полковникъ Видягинъ крутоватъ и требователенъ, но этого я не боялся. Мнѣ почему то вѣрилось, что онъ скоро ко мнѣ присмотрится и привыкнетъ и, впослѣдствіи,—почемъ

знать, — можетъ быть дастъ мнѣ возможность увидѣть, услышать и перечувствовать болѣе яркія вещи, чѣмъ механическая возня по записыванію плѣнныхъ и добровольцевъ. Судьба послала мнѣ иное.

Прибыть мнѣ приказано было въ учительскій институтъ на другой день къ 10 ти часамъ, но въ половинѣ 10 го за мной заѣхалъ полковникъ Б. на автомобилѣ и отвезъ меня въ штабъ Глазенапа. Онъ представилъ меня генералу Краснову. Заочно мы знали другъ друга, и встрѣча эта была для меня пріятна. Петръ Николаевичъ освѣдомилъ меня, что сейчасъ придетъ Глазенапъ и разговоръ будетъ о возможности создать въ Гатчино прифронтовую газету. Я ни на минуту не забывалъ того, что хотя предо мною сидитъ очаровательный человѣкъ, Петръ Николаевичъ авторъ путешествій и романовъ, которые я очень цѣнилъ, но что для меня онъ сейчасъ Ваше Высокопревосходительство, генералъ отъ кавалеріи. Въ Сѣверо-Западной Арміи, въ служебныхъ сношеніяхъ всѣ тянулись въ ниточку. Впослѣдствіи я ближе узналъ П. Н. Краснова, и воспоминанія о немъ у меня самыя благодарныя, почтительныя и дружескія. Но если человѣкъ вкусилъ съ десяти лѣтъ тягость воинской дисциплины, то, потомъ возвратъ къ ней сладостенъ.

Вошелъ быстрой, легкой походкой, чуть позванивая шпорами, генералъ Глазенапъ, онъ же—генералъ-губернаторъ всѣхъ областей, отторгнутыхъ отъ большевиковъ.

Я залюбовался имъ. Онъ былъ очень красивъ: невысокій, стройный, брюнетъ, съ распушенными черными усами, съ горячими черными глазами, со смуглымъ румянцемъ лица, съ легкостью хорошаго кавалериста и со свободными движеніями свѣтскаго человѣка. Онъ былъ участникомъ Ледяного похода, водителемъ многихъ отчаянныхъ конныхъ атакъ.

Говорить съ нимъ было совсѣмъ не трудно, тѣмъ болѣе, что П. Н. Красновъ понималъ дѣло и поддерживалъ меня. Газета, по его мнѣнію, необходима. Вопросъ въ типографіи и бумагѣ. О деньгахъ заботиться не надо: на дняхъ выходятъ изъ печати новыя кредитки Сѣверо-Западнаго правительства. Руководи-

телемъ и моимъ непосредственнымъ начальникомъ будетъ генералъ Красновъ. Черезъ сколько времени можетъ выйти первый номеръ, по моимъ расчетамъ?

Я сталъ дѣлать оговорки: сможетъ ли генералъ Красновъ дать сегодня же передовую статью? — Да, часа черезъ два-три. Есть-ли въ штабѣ послѣднія красныя газеты, и можно ли изъ нихъ дѣлать вырѣзки? — Есть, можно, но только для перваго номера въ видѣ исключенія. Обычно прежде всего газеты поступаютъ въ Штабъ, для сводки. — Нѣтъ ли иностранныхъ газетъ, хотя бы и не особенно свѣжихъ? — Найдутся. — Есть ли въ штабѣ бумага? Есть, но только писчая, почтоваго формата. — Разрѣшено ли мнѣ будетъ, въ случаѣ, если въ типографіи нѣтъ бумаги, реквизировать ее въ какомъ-нибудь магазинѣ? — Можно. Только дайте расписку, а счетъ присылайте въ канцелярію... Все? — спросилъ генералъ.

— Какъ будто все В. Пр.—отвѣтилъ я—Только...

Вотъ тутъ то я себя мысленно похвалилъ. Во всѣхъ дѣловыхъ переговорахъ и контрактахъ я никогда не упускалъ мелочей, но всегда забывалъ самое главное. А теперь нашелъ:

— Только долженъ предупредить, что наборщики самый гордый и капризный народъ на свѣтѣ. Этихъ „арміи свинцовой суровыхъ командировъ" можно взять лишь добромъ. Деньги теперь — ничто. Но если выдать имъ хотя бы солдатскій паекъ, то они навѣрно будутъ польщены такимъ вниманіемъ.

— Хорошо. Обратитесь къ моему завѣдывающему хозяйствомъ. Я предупрежу. А все-таки: когда же мы увидимъ первый номеръ?

— Завтра утромъ, — брякнулъ я и, признаться, прикусилъ языкъ.

Генералъ Глазенапъ весело разсмѣялся.

— Это по-суворовски!

Генералъ Красновъ поглядѣлъ на меня сквозь золотое пенснэ съ чуть замѣтной улыбкой.

Я поспѣшилъ оговориться.

— Конечно, это не будетъ номеръ „Таймса" въ 32 страницы и выйдетъ не въ пятистахъ тысячъ экземпляровъ. Но... позвольте попробовать.

Генералъ Глазенапъ сказалъ:

— Словомъ, я передаю васъ генералу Краснову. Онъ безъ сомнѣнія понимаетъ въ этомъ дѣлѣ болѣе меня. Затѣмъ: желаю полнаго успѣха. Извините, меня ждутъ.

О самомъ главномъ, о названіи газеты, труднѣе всего было столковаться. Я не разъ присутствовалъ при крещеніи періодическихъ изданій и знаю, какъ тяжело придуматъ имя. Каждое кажется устарѣвшимъ, похожимъ на какое-нибудь другое имя, мало или черезчуръ много звучащимъ, трудно выговариваемымъ, и т. д. Впослѣдствіи, когда войдетъ въ силу привычка — всякое названіе становится удобнымъ.

Мы всячески комбинировали „Свѣтъ", „Сѣверъ", „Неву", „Россію", Свободу", „Лучъ", „Бѣлый", „Армію", „Будущее". П. Н. Красновъ нашелъ простое заглавіе: „Приневскій Край". Мелькнулъ у меня въ головѣ дурацкій переворотъ: „При! Невскій Край". Но каждое наименованіе можно перебалаганить. Все равно: на десятомъ номерѣ обомнется и станетъ привычнымъ.

Вотъ здѣсь, въ Парижѣ, мнѣ часто намекаютъ, что я, можетъ быть, писатель, но во всякомъ случаѣ, не журналистъ. Я не возражаю. Но ровно въ 2 ч. дня 19 октября, т.-е. черезъ 28 часовъ, я выпустилъ въ свѣтъ 307 экземпляровъ перваго номера „Приневскаго Края". Отличная статья П. Н. Краснова о бѣломъ движеніи пришла аккуратно, во время. По справедливости, хотя и очень мягко, сдѣлалъ мнѣ П. Н. выговоръ за то, что я не послалъ ему корректуры (занести было всего два шага). Прекрасную оберточную рыжую бумагу я реквизировалъ въ магазинѣ Офицерскаго Экономическаго Общества. Наборщиковъ оказалось трое: сынъ хозяина типографіи, длиннорукій, длинноногій лѣнтяй и ворчунъ, скверный наборщикъ, но, къ счастью, физически сильный человѣкъ; второй зналъ кое-какъ наборное дѣло, но страдалъ грыжей и кашлялъ; третій же былъ мастеръ, хотя и великій копунъ, медлитель и мрачный человѣкъ.

Станокъ былъ если не Гуттенберговъ, то его внучатый племянникъ. Онъ печаталъ только одну полосу. Чтобы тиснуть продолженіе, надо было перевора-

чивать листъ на другую сторону. Приводился онъ въ дѣйствіе колесомъ, вручную, въ чемъ я принималъ самое живое участіе.

Я уже успѣлъ сдать въ печать стихи (правда, не новенькіе), статью подъ передовой, отчетъ о парадѣ, прекрасную проповѣдь о. Іоанна и характеристику Ленина (я сдѣлалъ ее безъ злобы, строго держась личныхъ впечатлѣній). Кромѣ того я вырѣзалъ и снабдилъ комментаріями все интересное, что нашелъ въ красныхъ газетахъ. Я также продержалъ обѣ корректуры. Словомъ: Фигаро здѣсь, Фигаро тамъ.

Часамъ къ 11-ти ночи люди устали, но ропота не было. Я сбѣгалъ за пайками и предложилъ ихъ, по моему, во время и деликатно. Сказалъ: „А кстати, вотъ вашъ ежедневный паекъ". Это ихъ такъ взбодрило, что они и на мою долю отрѣзали холоднаго мяса, свиного сала и бѣлаго хлѣба.. Утромъ заканчивали работу вдвоемъ: я и мрачный типъ.

Гг. журналисты, работали ли вы въ такихъ условіяхъ?

Этотъ станокъ, этого верблюда мы таскали съ собою потомъ въ Ямбургъ, въ Нарву и въ Ревель. Разбирали и собирали. Главный его недостатокъ былъ въ медлительности работы. Вертѣть колесо, да еще дважды — занятіе нелегкое.

1-й номеръ расхватили въ часъ. Цѣна ему была полтинникъ на керенки. Почему мы не брали по пятьсотъ рублей? — не понимаю. Впрочемъ разницы между этими суммами не было никакой. И мы сами не знали куда дѣвать вырученныя деньги. Наняли было корректоршу (она же и кассирша), но черезъ часъ пришлось ее уволить: никуда не годилась.

XIII КРАСНЫЯ УШИ

Не легка была вначалѣ газетная работа при оборудованіи дѣла самыми примитивными способами и средствами. Но мнѣ она доставляла удовлетвореніе и гордость. Тѣмъ болѣе, что вскорѣ дѣло наладилось и пошло ровно, безъ перебоевъ.

Все тотъ же, внимательный, памятливый и точный комендантъ Лавровъ, по моей просьбѣ распорядился, чтобы при разборкѣ плѣнныхъ красноармейцевъ, опрашивали: нѣтъ ли среди нихъ мастеровъ печатнаго дѣла. На третій же день мнѣ прислали двухъ. Одинъ рядовой наборщикъ, весьма полезный для газеты, другой же оказался прямо драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ: онъ раньше служилъ въ синодальной типографіи, гдѣ, какъ извѣстно, требуется самая строгая, интегральная точность въ работѣ, а кромѣ того, у него оказались глазомѣръ и находчивость настоящаго метранпажа. Вблизи Гатчины мы откопали бумажную фабрику, заглохшую при большевикахъ, но съ достаточнымъ запасомъ печатной бумаги.

П. Н. Красновъ давалъ ежедневно краткія, яркія и емкія статьи, подписывая ихъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ Гр. Адъ. (Градъ было имя его любимой скаковой лошади, на которой онъ взялъ въ свое время много призовъ въ Красномъ Селѣ и на Concours Hippiques въ Михайловскомъ манежѣ). Онъ писалъ о собираніи Руси, о смутномъ времени, о приказахъ Петра Великаго, о политической жизни Европы. Оба штаба (ген. Глазенапа и графа Палена), жившіе другъ съ другомъ нѣсколько не въ ладахъ, охотно посылали намъ, какія было возможно, свѣденія и распоряженія. Напечатали два воззванія обоихъ генераловъ и главнокомандующаго ген. Юденича. Наняли двухъ вертельщиковъ. Работали круглые сутки въ двѣ смѣны. Довели тиражъ до тысачи, но и того не хватало.

Красныя газеты получались аккуратно и въ изобиліи: отъ плѣнныхъ и черезъ развѣдчиковъ, ходившихъ ежедневно въ Петербургъ, въ самое чертово пекло, разнюхивать событія. Съ чувствомъ нѣкоего умиленія читалъ я въ нихъ лестныя строки, посвященныя мнѣ. Изъ одной замѣтки я узналъ, что штабъ Юденича помѣщается въ моемъ домѣ, а я неизмѣнно присутствую на всѣхъ военныхъ совѣтахъ, въ качествѣ лица, хорошо знающаго мѣстныя условія. Василій Князевъ почтилъ меня стихами:

„Угостилъ его Юденичъ коньякомъ,
И Купринъ сталъ намъ грозиться кулакомъ".
Что-то въ этомъ родѣ...

Пролетарскій поэтъ Демьянъ Бѣдный отвелъ мнѣ въ московской „Правдѣ“ цѣлый нижній этажъ, увѣряя, что я ему показался подозрительнымъ, еще въ началѣ 19-го года, когда я велъ въ Кремлѣ переговоры съ Ленинымъ, Каменевымъ, Милютинымъ и Сосновскимъ объ изданіи безпартійной газеты для народа. Это правда: о такой газетѣ я и хлопоталъ, но не одинъ: за мной стояла большая группа писателей и ученыхъ, несоблазненныхъ большевизмомъ. Имѣлись и деньги. Затѣя не удалась. Мнѣ предложили заднюю страницу „Краснаго пахаря“. Но красный — какой же это Пахарь? И зачѣмъ Пахарю красный цвѣтъ? Я уѣхалъ въ Петербургъ ни съ чѣмъ.

Но Демьянъ, слушавшій, неприглашеннымъ, наши переговоры уже тогда рѣшилъ въ умѣ, что я обхожу совѣтскую власть „змѣинымъ ходомъ“.

Это все, разумѣется, вздоръ... Печально было то, что внимательно вчитываясь въ красныя петербургскія газеты, можно было уловить въ нихъ уши и глаза, находящіеся въ Гатчинѣ.

Изъ крупныхъ гатчинскихъ коммунистовъ никто не попался бѣлымъ (кстати, дважды они упустили изъ рукъ Троцкаго въ Онтоло и въ Высоцкомъ, находя каждый разъ вмѣсто него лишь пустое, еще теплое логовище). Ушелъ страшный Шатовъ, однажды, приказавшій разстрѣлять женщину, заложницу за мужа-авіатора, вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ, котораго у нея никакъ нельзя было отнять.

Улизнулъ Сѣровъ, предсѣдатель Гатчинской Чека, кумиръ гимназистокъ-большевичекъ, бывшій фейерверкеръ царской арміи: на псковскомъ фронтѣ онъ вызвалъ изъ строя всѣхъ прежнихъ кадровыхъ офицеровъ, числомъ около 50-ти, велѣлъ ихъ разстрѣлять и для вѣрности самъ приканчивалъ ихъ изъ револьвера. Передъ казнью онъ сказалъ имъ: „...Ни одному перекрасившемуся офицеру мы не вѣримъ. Свое дѣло вы сдѣлали, натаскали красныхъ солдатъ, теперь вы для насъ — лишняя обуза“.

Ушелъ неистовый чекистъ Оссинскій. Въ его квартирѣ нашли подвалъ, забрызганный до потолка кровью, смердящій трупной вонью. Исчезъ палачъ—спеціалистъ Шмаровъ, бывшій каторжникъ, — убійца, который да-

же всегда ходилъ въ арестантскомъ сѣромъ халатѣ, съ круглой, сѣрой арестантской безкозыркой на головѣ. Онъ какъ то на Люцевской улицѣ, пьяный, подстрѣлилъ безъ всякаго повода и разговора, сзади, незнакомаго ему прохожаго, ранилъ его въ ногу, вдругъ освирѣпѣлъ, потащилъ его въ ЧК. (тутъ же, напротивъ) и дострѣлилъ его окончательно.

Поймали бѣлые одного только Чумаченку, захвативъ его въ Красномъ. Этотъ безобидный человѣкъ-пуговица, завѣдывалъ пищевыми запасами и называлъ себя „Король продовольствія". Никому онъ зла не дѣлалъ, наивно упивался высотою своего положенія и былъ забавенъ, со своимъ всегда вздернутымъ носомъ-пуговичкой. На него сдѣлали доносъ.

Словомъ ушли тузы и фигуры. Осталась дребедень. Но, прячась за нее, какіе то неуловимые многознающіе и пронырливые люди сообщались съ краснымъ командованіемъ, посылая ему въ Петербургъ сводки своихъ наблюденій. Разыскивать ихъ было некогда и некому. И — вѣроятнѣе всего — это они намѣревались устроить въ Гатчинѣ провокаціонный погромъ.

Какъ то вечеромъ зашелъ я къ моему пріятелю-еврею. У него засталъ смятеніе и скорбь. Мужчины только что вернулись изъ синагоги. У дѣдушки Моти, старѣйшаго изъ евреевъ, во время молитвы, впервые затряслась голова, и такъ потомъ не переставала трястись. Добрая, толстая хозяйка просила меня взять къ себѣ на время ея пятилѣтнюю дѣвочку Розочку, а та прижималась къ ней и плакала. Всѣ они были смертельно напуганы уличными сплетнями и подметными анонимными письмами.

Въ тотъ же вечеръ, руководясь темнымъ инстинктомъ, я передалъ эту сцену полковнику Видягину. Его сумрачные глаза вдругъ вспыхнули.

— Я не допущу погромовъ, съ какой бы стороны они ни грозили, — воскликнулъ онъ. — Жидовъ я, говорю прямо, не люблю. Но тамъ, гдѣ Сѣверо-Западная Армія, тамъ немыслимо ни одно насиліе надъ мирными гражданами. Мы безъ счета льемъ свою кровь и кровь большевицкую, на насъ не должно быть ни одного пятна обывательской крови. Садитесь и сейчасъ же пишите внушеніе жителямъ.

Черезъ полчаса я подалъ ему составленное воззваніе. Говорилъ въ немъ о томъ, что еще со временъ Екатерины II и Павла I живутъ въ Гатчинѣ нѣсколько еврейскихъ фамилій, давно знакомыхъ всему городу, честныхъ труженниковъ, небогатыхъ мастеровъ, людей совершенно чуждыхъ большевицкимъ идеямъ и нравамъ. Говорилъ о Единомъ Богѣ, о томъ, что не время въ эти великіе дни сѣять ненависть. Упомянулъ въ концѣ о строгой отвѣтственности и суровой карѣ, которая постигнетъ насильниковъ и подстрекателей.

Къ ночи воззваніе было подписано графомъ Паленомъ и скрѣплено начальникомъ штаба. На другой день оно было расклеено по заборамъ.

Пишу объ этомъ такъ подробно, потому что мнѣ лишній разъ хочется подтвердить о полномъ доброты, нелицепріятномъ, справедливомъ отношеніи С.-З Арміи ко всѣмъ мирнымъ гражданамъ, безъ различія племенъ и вѣроисповѣданій. Объ этомъ подтвердятъ всѣ участники похода и всѣ жители тѣхъ мѣстъ гдѣ эта армія проходила.

А вотъ въ ревельской газетѣ „Свободная Россія" Кирдецовъ, Дюшенъ и Башкирцевъ позволили себѣ оклеветать эту истинно рыцарскую армію, какъ разбойничью и грабительскую, говоря не о тылѣ, а о доблестныхъ офицерахъ и солдатахъ похода — легенды.

XIV НЕМНОЖКО ИСТОРІИ

Сѣверо-Западная армія не была одинока въ борьбѣ съ большевиками. По условіямъ своего созиданія и формированія, Сѣверный корпусъ съ первыхъ своихъ дней оказался тѣсно связаннымъ съ Эстонской республикой и съ ея молодой арміей. Боевое крещеніе получили части Русскаго Корпуса, защищая Эстонію отъ вторженія большевицкихъ войскъ. До мая 1919 г. всѣ операціи Сѣверной арміи происходили на Эстонской территоріи. Отсюда причины союзныхъ отношеній между обѣими арміями. Въ періодъ существованія Сѣвернаго Русскаго Корпуса эти отношенія были оформлены заключеннымъ договоромъ. Однако, въ

моментъ превращенія Русскаго Корпуса въ армію, положеніе сторонъ измѣнилось. Эстонія была освобождена отъ большевиковъ, и русская армія сражалась на русской территоріи.

По этимъ соображеніямъ русская армія вышла изъ подчиненія эстонскому главнокомандованію и въ лицѣ генерала Юденича получила собственнаго руководителя, назначеннаго Верховнымъ правителемъ Россіи. Были раньше планы о возглавленіи арміи генераломъ Гурко или Драгоміровымъ. Но имя побѣдителя Эрзерума болѣе импонировало.

Не имѣя собственныхъ портовъ, ограниченная размѣромъ территоріи С.-З. бѣлая Россія принуждена была, — а съ нею и С.-З. Армія — базироваться на Ревель и на Эстонію. Между тѣмъ Эстонія уже была свободна отъ большевиковъ, имѣла свыше чѣмъ 80 000-ную армію и въ существенной помощи бѣлой арміи уже не нуждалась. Прежній взаимный договоръ отпадалъ. Требовалось новое договорное соглашеніе, и почва для него нашлась, но очень волнующая. Съ одной стороны, сформированное въ августѣ 1919 года С.-З. правительство поспѣшило признать полную и вѣчную независимость Эстоніи и дало гарантію требовать этого признанія всѣми Великими державами, Верховнымъ правителемъ Россіи и всѣми областными ея правительствами. За это Эстонія согласилась оказывать помощь бѣлой Россіи, въ ея борьбѣ съ большевиками, и обѣщала помочь генералу Юденичу при походѣ на Петербургъ. (Однако, когда наступленіе на Петербургъ началось, то эстонскія войска въ немъ участія почему-то не приняли...)

Предполагался подобный же взаимный договоръ съ Финляндіей, и она также искала къ нему путей. Онъ не состоялся. Вопросъ объ его осуществленіи зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ бывшихъ русскихъ дипломатовъ, эмигрировавшихъ въ Парижъ. Они отказали. Почему? Энергичный напоръ на красныхъ со стороны Финляндіи рѣшилъ бы судьбу Петербурга въ два-три дня.

* * *

Высшій совѣтъ командованія Бѣлой арміи сознавалъ, что общее состояніе тыла и политической обстановки еще не вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ немедленнаго наступленія.

Но строевые начальники, видѣвшіе настроеніе своихъ солдатъ, твердо знали и чувствовали, что этотъ бодрый воинственный духъ необходимо поддержать именно переходомъ отъ метода обороны, изнурявшей боевыя части и понижавшей ихъ боеспособность — къ рѣшительному и быстрому наступленію.

Духъ и воля арміи одержали верхъ. Главное командованіе рѣшилось наконецъ на открытіе военныхъ дѣйствій. Впрочемъ, за необходимость наступленія говорили громко еще слѣдующіе доводы.

1) Эстонія, подъ вліяніемъ своихъ соціалистическихъ партій уже намѣревалась вступить въ мирные переговоры съ Совѣтской Россіей.

Заключеніе такого мира лишало бы С.-З. армію и военной поддержки Эстоніи и пользованія для военныхъ цѣлей портами и желѣзными дорогами Эстоніи.

2) Успѣхи Деникина, при его движеніи на Москву, привлекли въ тотъ моментъ вниманіе всего краснаго главнокомандованія. Чтобы отразить его побѣдоносное наступленіе, напрягались всѣ совѣтскія силы. Угроза Петербургу въ эти дни значительно облегчила бы задачу Деникина.

3) Необходимость взятія Петербурга до наступленія холодовъ. Главная цѣль взятія Петербурга — освобожденіе отъ террора, отъ холода и голода несчастнаго населенія столицы. Ввозъ необходимаго продовольствія и предметовъ первой необходимости возможенъ лишь до прекращенія навигаціи, которая съ конца ноября уже связывается замерзающимъ Петербургскимъ портомъ.

4) Обѣщанная поддержка военнаго англійскаго флота, дѣйствія котораго находились въ зависимости отъ наступленія морозовъ.

5) Великолѣпный духъ бѣлыхъ солдатъ, оторванныхъ, однако, отъ родины и семьи, не могъ бы выдержать своего напряженія до весны, и въ теченіе

зимы смѣнился бы уныніемъ и всѣми его послѣдствіями.

6) Командованіе красной арміи прозѣвало возрожденіе духа и силы С.-З. арміи. Оно продолжало ее считать не вполнѣ боеспособной и не боялось ея. Поэтому многія красныя части были переведены на другіе фронты и соотношеніе силъ на С. З фронтѣ было въ данный моментъ очень благопріятнымъ для наступленія Бѣлой арміи.

Наступленіе было рѣшено.

* * *

Я пламенный бардъ С.-З. Арміи. Я никогда не устану удивляться ея героизму и воспѣвать его. Но вѣдь есть на свѣтѣ и проза. Много способствовало подъему духа въ С.-З. Арміи появленіе, наконецъ, давно обѣщанной, такъ долго жданной помощи отъ французовъ и англичанъ, въ видѣ первыхъ транспортовъ обмундированія, танковъ, орудій, снарядовъ, ружей. Солдаты, по прибытіи первыхъ грузовъ, ожили духомъ. Они удостовѣрились собственными глазами, что старые друзья и союзники по войнѣ съ Германіей рѣшительно хотятъ помогать бѣлымъ арміямъ въ ихъ борьбѣ съ большевиками. Сапоги, хлѣбъ, шинель и ружье — это все, что нужно воину, кромѣ убѣжденія, что война имѣетъ смыслъ. Голодный, босый, невооруженный солдатъ — хорошій матеріалъ лишь для бунта, или для дезертирства. Глупость говорила ходячая поговорка удалыхъ прежнихъ военачальниковъ: „Я своимъ солдатамъ три дня ѣсть не дамъ, такъ они врага съ кожей и костями слопаютъ, такъ, что они безъ вѣсти пропадутъ и назадъ не вернутся".

* * *

Активныя операціи С.-З. Арміи противъ Петербурга могли развиваться въ двухъ направленіяхъ. Большинство старыхъ генераловъ, недавно прибывшихъ на фронтъ гражданской войны и не знавшихъ ея условій, настаивали на томъ, что необходимо обезпечить себя взятіемъ Пскова и, лишь послѣ этого открыть движеніе на Петербургъ.

Но командный составъ, изъ числа тѣхъ, кто съ первыхъ дней существованія С.-З. корпуса находились въ немъ и знали его боевыя качества, рѣшительно настаивали на иномъ планѣ. Въ гражданской войнѣ,— говорили они, — гораздо вѣрнѣе проявлять быстроту и натискъ. Все здѣсь зависитъ отъ психологическаго момента. Если намъ стремительно удастся уловить его, то красный Петербургъ не спасутъ ни наши обнаженные фланги, ни обходное движеніе совѣтскихъ полковъ! Эта упругая стремительность должна вызвать растерянность среди командаго состава красной арміи, пробудить уснувшія надежды въ антибольшевикахъ въ совѣтской арміи и въ Петербургѣ, создать благопріятныя условія для возстанія рабочихъ массъ и т. д.

Этотъ планъ восторжествовалъ. Страшная стремительность, съ которой С.-З. Армія ринулась на Петербургъ, дѣйствительно врядъ ли имѣла примѣры въ міровой исторіи, исключая развѣ легендарные суворовскіе марши.

XV ПАРТИЗАНСКІЙ ДУХЪ

Передо мною лежитъ брошюра: Октябрьское наступленіе на Петроградъ и причины неудачи похода. Записки бѣлаго офицера. Это единственный печатный матеріалъ, посвященный походу. Авторъ не названъ. (Говорятъ, сохранились кое гдѣ полковые и дивизіонные архивы. Но ими воспользуется со временемъ усидчивый историкъ).

Книжка цѣнная, составлена ясно, толково, со знаніемъ дѣла, съ любовью къ родинѣ, съ горячей скорбью о трагической судьбѣ геройской Сѣверо-Западной Арміи. Я вынужденъ ею пользоваться для того, чтобы не заблудиться въ чрезвычайно сложныхъ и путанныхъ деталяхъ наступленія. Надо сказать, что она не только подтверждаетъ все мною слышанное и лично наблюденное, но и проливаетъ на событія вѣрный свѣтъ. Лишь въ оцѣнкѣ неудачъ арміи у меня нѣ-

сколько иной взглядъ, чѣмъ у талантливаго автора, очевидно доблестнаго кадроваго офицера прежней великой россійской арміи. Но книгу его я усердно рекомендую любителямъ.

* * *

Говорили многіе потомъ, разбирая критически операціи С. З. Арміи, что въ ней было слишкомъ много партизанскаго духа. Но какой же иной могла быть армія добровольцевъ, всего въ 20-ти тысячномъ составѣ, въ дни братоубійственной гражданской войны, въ сверхчеловѣческой обстановкѣ непрестанныхъ на всѣ стороны боевъ, дневныхъ и, предпочтительно ночныхъ, съ необезпеченнымъ флангомъ, съ единственной задачей быстроты и дерзости, со стремительнымъ движеніемъ впередъ, во время котораго люди не успѣвали ѣсть и высыпаться? Такъ почему же эта армія не разлагалась, не бѣжала, не грабила, не дезертировала? Почему сами большевики писали въ красныхъ газетахъ, что она дерется отчаянно? Отчего Талабскій полкъ, болѣе всѣхъ другихъ истекавшій кровью, такъ доблестно прикрывалъ и общее отступленіе, а во дни Врангеля, годъ спустя, пробрался по одиночкѣ изъ разныхъ мѣстъ въ Польшу къ своему вождю и основателю, генералу Перемикину, чтобы снова стать подъ его водительство? Да только потому, что каждый стрѣлокъ въ ней, каждый конникъ, каждый наводчикъ, каждый автомобилистъ шелъ освобождать сознательно родину. Совсѣмъ забыты были у нихъ разность интересовъ и отдаленность губерній Псковской и Тамбовской. Отъ того то ихъ съ теплой душой встрѣчало и съ терпкой печалью провожало крестьянство, которое безупречно служило имъ въ качествѣ возчиковъ, проводниковъ и добрыхъ хозяевъ. Отъ того то бѣлый солдатъ и могъ свободно проявлять самое важное во всякой и самое драгоцѣнное въ гражданской войнѣ качество — личную иниціативу.

Еще говорили объ отсутствіи единой главноначальствующей воли и указывали на это какъ на причину отсутствія отвѣтственности у должностныхъ лицъ, которыя не хотѣли отбросить самостоятельныхъ пар-

тизанскихъ пріемовъ и руководствовались лишь личными соображеніями.

Формальный глава арміи существовалъ. Это былъ генералъ Юденичъ, доблестный, храбрый солдатъ, честный человѣкъ и хорошій военоначальникъ. Но изъ всѣхъ русскихъ извѣстныхъ современныхъ полководцевъ, которые сумѣли бы мощно овладѣть душами, сердцами и волею этой совсѣмъ необыкновенной арміи, я могу представить себѣ только генерала Лечицкаго. Генералъ Юденичъ только разъ показался на театрѣ военныхъ дѣйствій, а именно тотчасъ же по взятіи Гатчины. Побывалъ въ ней, навѣстилъ Царское Село, Красное и въ тотъ же день отбылъ въ Ревель. Конечно, очень цѣнно было бы, въ интересахъ арміи, если бы ген. Юденичъ, находясь въ тылу, умѣлъ дипломатично воздѣйствовать на англичанъ и эстонцевъ, добиваясь отъ нихъ обѣщанной реальной помощи.

Но по натурѣ, храбрый покоритель Эрзерума, былъ въ душѣ—капитанъ Тушинъ, такъ славно изображенный Толстымъ. Онъ не умѣлъ съ ними разговаривать, стѣснялся передъ апломбомъ англичанъ и передъ общей тайной политикой иностранцевъ. Надо сказать правду: онъ разъ проявилъ несомнѣнно большое достоинство. Это было въ тотъ день, когда англійскій генералъ Мэрчъ (или Гофъ?), велѣвъ въ срокъ 40-ка минутъ составиться сѣверо-западному правительству, хотѣлъ начать договорный актъ параграфомъ: „Войдя въ Петербургъ и свергнувъ большевицкую власть, эстонцы, при помощи сѣверо-западнаго правительства и его арміи, устраиваютъ Россію на демократическихъ началахъ".

Этой глупости не выдержало закаленное сердце стараго воина. Онъ протестовалъ такъ рѣшительно, что бритый англичанинъ съ огромнымъ подбородкомъ долженъ былъ сдаться.

Единый вождь въ этой особенной войнѣ долженъ былъ бы непремѣнно показываться какъ можно чаще передъ этимъ солдатомъ. Солдатъ здѣсь проявлялъ сверхъестественную храбрость, неописуемое мужество, величайшее терпѣніе, но безмолвно требовалъ отъ генерала и офицера высокаго примѣра. Въ офицерскомъ составѣ уживались лишь люди чрезмѣрно высо-

кихъ боевыхъ качествъ. Въ этой арміи нельзя было услышать про офицера такихъ опредѣленій, какъ храбрый, смѣлый, отважный, геройскій и т. д. Было два опредѣленія: „Хорошій офицеръ“ или изрѣдка: „да, если въ рукахъ“. Тамъ генералы Родзянко и Паленъ, оба высоченные гиганты, въ свѣтлыхъ шинеляхъ офицерскаго сукна, съ оружіемъ, которое въ ихъ рукахъ, казалось, игрушечнымъ, ходили въ атаку, впереди цѣпей, посылая большевикамъ оглушительныя угрозы. Тамъ Пермикинъ ѣздилъ впереди танка, показывая ему путь, подъ огнемъ изъ бронепоѣздовъ, подъ перекрестной пальбою красныхъ цѣпей, сидя на свѣтлой, сѣрой лошади.

Что же касается того, что военоначальники руководились лишь личными соображеніями, выходя изъ общаго плана, то врядъ ли это вѣрно.

По объявленіи похода, армія пошла въ наступленіе 7 колоннами, каждая въ иномъ направленіи. Неминуемо случалось то, что колонны теряли связь, въ болотистыхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе, что красные, отступая, не только перерѣзали телеграфныя проволоки, но и срубали столбы. Двигались онѣ, руководимыя какимъ то звѣринымъ чутьемъ, птичьимъ инстинктомъ, но пришли во время, и еще при сближеніи помогали одна другой въ атакахъ энергичной поддержкою. Вотъ вамъ и партизанская война.

Былъ, правда былъ, одинъ ужасный, прискорбный случай сознательнаго неповиновенія генерала приказу. Я говорю о генералѣ, — офицерѣ генеральнаго штаба Вѣтренко... О немъ послѣ. Но нельзя же на одномъ несчастномъ случаѣ строить огульные выводы.

XVI ЛУНАТИКИ

Составъ сѣверо-западниковъ не былъ постояннымъ: онъ имѣлъ текучій мѣняющійся характеръ.

Во время весенняго налета на фронтъ „Красная Горка“, значительная часть гарнизона перешла, безъ боя, на сторону бѣлыхъ: образовался Красногорскій полкъ. Ушли къ бѣлымъ посланные противъ нихъ вятичи — вотъ и Вятскій полкъ.

Въ тотъ же періодъ двинуло красное командованіе въ тыловой обходъ бѣлыхъ Семеновскій (бывшій лейбъ-гвардіи) полкъ, — „полкъ внутренней охраны Петрограда“, какъ его называли офиціально. Страннымъ, загадочнымъ, непонятнымъ было существованіе Семеновскаго полка послѣ революціи, и особенно отношеніе къ нему большевиковъ. Этотъ полкъ, такъ круто расправившійся съ московскимъ возстаніемъ въ 1906 году, жилъ въ прежнихъ казармахъ, по прежнему укладу, несъ караульную службу по охранѣ Государственнаго банка, Казначейства и другихъ вѣрныхъ пунктовъ, и какъ бы находился подъ особымъ покровительствомъ. Зайдя въ тылъ бѣлыхъ у Выры, онъ съ музыкой перешелъ въ С.-З. Армію, убивъ сначала своихъ комиссаровъ и красныхъ фельдфебелей (одинъ изъ нихъ застрѣлился). Полкъ такъ и сохранилъ навсегда свое старинное Петровское имя.

Проходили иногда сквозь составъ С. З. Арміи необыкновенныя, удивительныя части, характера, такъ сказать, гастрольнаго. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый Тульскій батальонъ. О немъ до сихъ поръ старые офицеры и солдаты Сѣвернаго корпуса вспоминаютъ со смѣхомъ и съ восхищеніемъ.

Въ пору бѣшенаго нажима большевиковъ на крестьянъ, когда предавались огню, разрушенію и сравнивались съ землею (рѣчь Троцкаго) цѣлыя села и деревни, произошло маленькое чудо. Вооружившись, какъ попало, этотъ отрядъ пошелъ наудалую разыскивать то самое мѣсто, гдѣ бьютъ большевиковъ. Блуждая по лицу земли Русской, они, кажется, хотѣли попасть къ Деникину, но попали сначала къ Петлюрѣ, потомъ въ Польшу. У Петлюры имъ „шибко не показалось“, поляки ихъ не приняли. Наконецъ, въ Псковѣ имъ удалось набрести на настоящихъ истребителей большевизма. Тутъ они и остались, поступивъ въ распоряженіе Сѣвернаго корпуса, подъ наименованіемъ Тульскаго батальона.

Я до сихъ поръ не знаю, никогда не могъ добиться: кто изъ командованія считался главнымъ, непосредственнымъ начальникомъ Туляковъ. Дрались они съ несравненной, безумной храбростью. Вышибать непріятеля изъ деревень, брать молніеносной атакой мо-

сты и другіе узкіе опасные проходы — было точно ихъ любимой спеціальностью. Побѣжденнымъ они никогда не давали пощады. Въ крѣпкихъ, жесткихъ рукахъ, изъ Тульскаго батальона могъ бы выработаться превосходный боевой матеріалъ И надо сказать, что среди офицеровъ Сѣв. корпуса было достаточно людей съ желѣзной волей. Однако, подчинить туляковъ, хотя бы первымъ, основнымъ началамъ воинской дисциплины, оказалось немыслимымъ. Такъ они успѣли озвѣрѣть въ долгомъ гуртовомъ бродяжничествѣ. Такихъ грабителей, мародеровъ, плутовъ и ослушниковъ свѣтъ не видывалъ. Ни наказанія, ни уговоры на нихъ нимало не дѣйствовали. Пришлось при основательной чисткѣ С. З. Арміи передъ походомъ на Петербургъ распроститься съ удивительнымъ Тульскимъ батальономъ, т. е. вѣрнѣе, съ его жалкими остатками, ибо большинство туляковъ погибло въ бояхъ. Жили грѣшно — умерли съ честью.

Формировались полки и добавлялись, можно сказать, на ходу. Иногда по составамъ баталіоновъ можно было прослѣдить исторію полка, какъ исторію земли по геологическимъ наслоеніямъ. Вотъ, напримѣръ, знаменитый Талабскій полкъ:

1-ый баталіонъ: рыбаки съ Талабскихъ островов (Великое озеро, близъ Чудскаго). Это основа и первый кадръ.

2-ой баталіонъ: старообрядцы и жители подгатчинскихъ селъ (Вторые — превосходные проводники).

3-ій баталіонъ: вятичи и плѣнные матросы (матросы были первоклассными бойцами).

Во всѣ три баталіона въ значительномъ количествѣ вошла учащаяся молоджь Ямбурга и другихъ ближнихъ мѣстъ. Большинство этихъ юношей не вернулось домой. Погибли.

Да! Великую, кровавую, святую жертву родинѣ принесли русскіе юноши и даже мальчики на всѣхъ фронтахъ, во всѣхъ бояхъ ужасной гражданской войны.

По этому списку можно догадаться о путяхъ полка.

О Талабскомъ полкѣ и о 2-ой дивизіи, въ которую онъ входилъ (Островскій — 500 штыковъ; Талабскій — 1.000, Уральскій — 450; Семеновскій – 500, и эти числа лишь въ началѣ похода) —о нихъ мнѣ придется упоми-

нать особенно часто. И вовсе не потому, чтобы эти части отличались отъ другихъ боевыми или легндарными чертами. Нѣтъ, всѣ полки С. З. Арміи были выше похвалъ и объ ихъ подвигахъ думаешь невольно теперь, какъ о великой сказкѣ. Я порой недоумѣваю: почему это никогда не слышно, и въ газетахъ нѣтъ ничего о вечерахъ, собраніяхъ или обществѣ сѣверозападниковъ. И мнѣ кажется, что эти люди сдѣлали такъ много непосильнаго для человѣка, преодолѣли въ такой громадной мѣрѣ инстинктъ самосохраненія, пережили такое сверхестественное напряженіе физическихъ и нравственныхъ силъ, что для нихъ тяжкимъ стало воспоминаніе.

Такъ лунатикъ, перешедшій ночью по тонкой гибкой дощечкѣ съ пятаго этажа одного дома на пятый другого—взглянетъ днемъ съ этой высоты внизъ и у него поблѣднѣетъ сердце и закружится голова.

Нѣтъ, только волей случайности мнѣ удалось больше всего слышать о 2-ой дивизіи и чаще всего входить въ общеніе съ Талабчанами. Кромѣ того, эти части по капризнымъ велѣніямъ военной судьбы, принуждены были — въ наступленіи на Петербургъ, въ бояхъ вокругъ Гатчины, Краснаго и Царскаго и въ отступленіи — играть, поневолѣ, ежедневно тяжелую и рѣшительную роль.

Вотъ, вкратцѣ, нѣсколько боевыхъ дней 2-й дивизіи. Обратите вниманіе на числа:

9-го октября. Конница начинаетъ активныя операціи. Правофланговый полкъ дивизіи, подъ энергичнымъ руководствомъ своего командира полковника Пермикина, на разсвѣтѣ переходитъ въ наступленіе въ районѣ оз. Тягерскаго и рѣшительнымъ ударомъ занимаетъ рядъ непріятельскихъ деревень.

10-го октября. Талабскій полкъ развиваетъ достигнутый успѣхъ, занимаетъ деревню Хилокъ, переправляется черезъ Лугу, укрѣпляется въ дер. Гостятино. Островцы съ боемъ переправляются черезъ Лугу у Рѣдежи. Семеновцы атакуютъ красныхъ у Собской переправы.

11-го ночью Талабскій полкъ подходитъ къ станц. Волосово, давая возможность бѣлой кавалеріи продолжать свою задачу.

12-го окт. Талабскій полкъ подлетаетъ къ ст. Волосово и съ налета опрокидываетъ находящіяся здѣсь красныя части.

13-16 окт. Полки Островскій и Семеновскій. Бои въ Кикерино, Елизаветиной, у Шпанькова, стычка на гатчинскихъ позиціяхъ. Вечеромъ 16-го Талабскій полкъ подъ Гатчиной.

17-го окт. Безъ остановки въ Гатчино, полки 2-ой дивизіи (теперь подъ начальствомъ генерала Пермикина), опрокидываютъ и сминаютъ засѣвшіе около города красные отряды и заставы, немедленно идутъ дальше и занимаютъ позиціи Пеггелево-Шаглино.

18-го окт. Части дивизіи широкимъ фронтомъ продвигаются къ Царскому. Талабскій полкъ къ вечеру выбиваетъ изъ дер. Бугоръ противника.

19 и 20 окт. Ожесточенные, непрерывные бои около деревни Онтолово. Пермикинъ отказывается отъ фронтового движенія и предпринимаетъ обходное. Отборные курсанты и личная сотня Троцкаго обнаруживаютъ его и встрѣчаютъ пѣніемъ интернаціонала. Атаки Талабцевъ дважды отбиты. Коммунисты сами пытаются перейти въ наступленіе. Громадную помощь краснымъ оказываютъ броне-поѣзда „Ленинъ", „Троцкій" и „Черноморъ", свободно маневрировавшіе по Варшавской и Балтійской ж. д., 20 утромъ въ Гатчину прибыли новые (французскіе) танки и спѣшно отправлены въ Онтолово. Однако доблестные Талабцы взяли таки упорно оборонявшуюся деревню и заставили красныхъ отступить. Къ вечеру 20-го бригада 2-ой дивизіи сбила противника и подошла къ Царскому.

21 окт. Бой за обладаніе Царскимъ. 2-й баталіонъ Талабскаго полка на разсвѣтѣ исполняетъ обходную задачу и неожиданнымъ ударомъ занимаетъ Царскосельскій вокзалъ.

Итого: тринадцать дней безпрерывныхъ боевъ. Затѣмъ слѣдуетъ переброска дивизіи на лѣвый флангъ для ликвидаціи прорывовъ въ Кипени и Волосовѣ. Затѣмъ аріергардная служба при отступленіи. И все — безъ отдыха. Жутко подумать, на что способенъ можетъ быть человѣкъ!

XVII КУПОЛЪ СВ. ИСААКІЯ ДАЛМАТСКАГО

Въ день вступленія Сѣверо-Западной Арміи въ Гатчину, высшее командованіе даетъ приказъ начальнику III дивизіи, генералу Вѣтренко: свернуть немедленно на востокъ, идти форсированнымъ маршемъ вдоль вѣтки, соединяющей Гатчину съ Николаевской желѣзной дорогой и, достигнувъ ст. Тосно, привести въ негодность Николаевскую дорогу, дабы прервать сообщеніе Москва-Петербургъ.

Вѣтренко ослушался прямого приказа. Онъ продвигается къ сѣверу на правомъ флангѣ, подпираетъ слегка наступленіе Пермикина, затѣмъ подъ прикрытіемъ 2-й арміи уклоняется вправо, чтобы занять Павловскъ. На тревожный телеграфный запросъ Штаба, онъ отвѣчаетъ, что дорога Гатчина-Тосна испорчена дождями, и что Павловскъ имъ необходимо занять въ цѣляхъ тактическихъ. Совсѣмъ непонятно, почему главнокомандующій не приказалъ разстрѣлять Вѣтренко и не бросилъ на Тосну другую часть: вѣрнѣе всего предположить, что подъ руками не было резервовъ.

Но упустили время. Троцкій съ дьявольской энергіей швырялъ изъ Москвы эшалонъ за эшалономъ отряды красныхъ курсантовъ, коммунистовъ, матросовъ, сильную артиллерію, башкировъ... Развѣдка Талабскаго полка по распоряженію Пермикина быстро пробралась къ Тосно. Но уже было поздно. Подступы къ станціи были сплошь забаррикадированы красными войсками.

Сѣверо-западники склонны объяснять непростительный поступокъ Вѣтренко его героическимъ и честолюбивымъ стремленіемъ ворваться первымъ въ Петербургъ. Сомнѣваюсь. Офицеръ Генеральнаго Штаба долженъ былъ понимать, что его упущеніе дало краснымъ возможность усилить свою армію вдвое, да еще прекраснымъ боевымъ матеріаломъ. Болѣе, чѣмъ множество другихъ печальныхъ обстоятельствъ — его преступленіе было главной причиной неудачи наступленія на Петербургъ.

Товарищеское мнѣніе смягчало его вину, ибо „мертвые сраму не имутъ", а Вѣтренко, по слухамъ,

скончался отъ тифа. А между тѣмъ, впослѣдствіи оказалось, что Вѣтренко не только выздоровѣлъ, но съ женою и малолѣтнимъ сыномъ перешелъ къ большевикамъ. Такимъ образомъ, если даже 18 октября онъ и не замышлялъ измѣны и предательства, то во всякомъ случаѣ, его поведеніе въ эту пору явилось для большевиковъ громадной услугой, а для него самого козырнымъ тузомъ.

Утромъ я сидѣлъ по дѣлу у безсоннаго капитана Лаврова. При мнѣ пришелъ въ комендантскую молодой офицеръ 1-ой роты Талабскаго полка, посланный въ Штабъ съ донесеніемъ. Онъ торопился обратно въ полкъ и забѣжалъ всего на секундочку пожать руку старому командиру. Онъ былъ высокій, рыжеватый, полный съ круглымъ, потнымъ безволосымъ лицомъ. Глаза его сіяли веселымъ рыжимъ—нѣтъ, даже золотымъ — свѣтомъ, и говорилъ онъ съ такимъ радостнымъ возбужденіемъ, что на губахъ у него вскакивали и лопались пузыри.

— Понимаете, г. капитанъ. Средняя Рогатка...— говорилъ онъ еще задыхаясь отъ бѣга,—это на сѣверъ къ Пулкову. Стрѣлокъ мнѣ кричитъ: Смотрите, смотрите, г. поручикъ: Кумполъ, Кумполъ! Я смотрю за его пальцемъ... а солнцѐ только-только стало восходить... — Гляжу, — батюшки мои, Господи! — дѣйствительно блеститъ куполъ Исаакія, онъ, милый, единственный на свѣтѣ. Зданія не видно, а куполъ такъ и свѣтитъ, такъ и переливается, такъ и дрожитъ въ воздухѣ.

— Не ошиблись ли, поручикъ? — спросилъ Лавровъ.

— О! Мнѣ ошибиться, что вы! Я съ третьяго класса Пажескаго знаю его, какъ родного. Онъ, онъ, красавецъ. Куполъ святого Исаакія Далматскаго! Господи, какъ хорошо!

Онъ перекрестился. Всталъ съ дивана длинный Лавровъ. Сдѣлалъ тоже и я.

Вѣсть эта обѣжала всю Гатчину, какъ электрическій токъ. Весь день я только и слышалъ о куполѣ Св. Исаакія. Какое счастье даетъ надежда. Ее называютъ крылатой, и правда, отъ нея расширяется сердце

и, душа стремится ввысь, въ синее, холодное, осеннее небо.

Свобода! Какое чудесное и влекущее слово! Ходить, ѣздить, спать, ѣсть, говорить, думать, молиться, работать — все это завтра можно будетъ дѣлать безъ идіотскаго контроля, безъ выклянченнаго унижающаго разрѣшенія, безъ грубаго вздорнаго запрета. — И главное — неприкосновенность дома, жилья... Свобода!

* * *

Послѣ обѣда въ корпусномъ штабѣ былъ другой офицеръ, кажется, Семеновскаго полка. Онъ разсказывалъ, что одинъ изъ бѣлыхъ разъѣздовъ, нащупывающій подступы къ Петербургу, такъ забрался впередъ, что совсѣмъ невдалекѣ могъ видѣть арку нарвскихъ воротъ. Позднѣе другой разъѣздъ обстрѣлялъ какой-то изъ трамваевъ, въ которыхъ Троцкіи перебрасывалъ пачки курсантовъ на вокзалы.

Быстротечные, краткіе дни упоительныхъ надеждъ! На правомъ флангѣ бѣлые пробирались къ Пулкову II, гдѣ снова могли бы перехватить Николаевскую дорогу. Слѣва они заняли послѣдовательно: Таицы, Дудергофъ, Лигово, и докатывались до Дачнаго, намѣреваясь начать поискъ къ Петергофу. Божество удачи было явно на сторонѣ С.-З. Арміи.

Красные солдаты сдавались и переходили сотнями. Калѣчь отправлялась въ тылъ для обученія строю. Надежные бойцы вливались въ составъ бѣлыхъ полковъ и отлично дрались въ ихъ рядахъ. У полководцевъ, искушенныхъ боевымъ опытомъ, есть непостижимый даръ узнавать по первому быстрому взору цѣннаго воина, подобно тому, какъ настоящій знатокъ лошадей, едва взглянувъ на коня, узнаетъ безошибочно его возрастъ, нравъ, достоинства и пороки.

Этимъ даромъ обладалъ въ. особенно высокой степени ген. Перемикинъ...

Этотъ необыкновенный человѣкъ обладалъ несомнѣннымъ и природнымъ военнымъ талантомъ, который только развился вширь и вглубь отъ практики трехъ войнъ.

Злобности и мстивости не было у бѣлыхъ. Когда приводили плѣнныхъ, то начальникъ части спрашивалъ: „Кто изъ васъ коммунисты?", нерѣдко дво-трое, не задумываясь, громко, и какъ бы съ вызывающей гордостью, откликались: — Я! — „Отвести въ сторону!" — приказывалъ начальникъ. Потомъ происходилъ обыскъ. Случалось, что у нѣкоторыхъ солдатъ находились коммунистическіе билеты. Затѣмъ коммунистовъ уводили и, такимъ образомъ, коммунисты въ тылъ не просачивались.

Многіе коммунисты умирали смѣло. Вотъ, что разсказывалъ офицеръ, которому, по наряду, пришлось присутствовать при разстрѣлѣ двухъ коммунистовъ.

— По дорогѣ я остановилъ конвой и спросилъ одного изъ нихъ краснаго, волосатаго, худого и злющаго. „Не хочешь ли помолиться?". Онъ отрыгнулъ такую бѣшеную хулу на Бога, Іисуса Христа и Владычицу Небесную, что мнѣ сдѣлалось противно. А когда я предложилъ то же самое другому, по одеждѣ матросу, онъ наклонился къ моему уху, насколько ему позволяла веревка, стягивающая сзади его руки, и произнесъ тихо, съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Все равно Богъ не проститъ насъ.

Объ этомъ „все равно Богъ не проститъ...", стоитъ подумать побольше. Не сквозитъ ли въ немъ пламенная, но поруганная вѣра?

Курсанты дрались отчаянно. Они бросались на бѣлые танки съ голыми руками, вцѣплялись въ нихъ и гибли десятками. Красные вожди обманули ихъ увѣреніями, что танки поддѣльные: „дерево-де выкрашенное подъ цвѣтъ стальной брони". Они же внѣдряли въ солдатъ ужасъ къ бѣлымъ, которые, по ихъ словамъ, не только не даютъ пощады ни одному плѣнному, а напротивъ, прежде чѣмъ казнить, подвергаютъ лютымъ мукамъ.

Но и красные солдаты, а впослѣдствіи курсанты и матросы, въ день плѣна, присѣвши вечеромъ къ ротному котлу, не слыша ни брани, ни насмѣшки отъ недавнихъ враговъ, быстро оттаивали и отрясались отъ всѣхъ мерзостей большевицкой пропаганды и отъ привитыхъ рабскихъ чувствъ.

— Прохожу я вдоль бивуака—разсказывалъ мнѣ одинъ офицеръ, — вдругъ чую, пахнетъ настоящимъ табакомъ, не махоркой. Тяну по запаху, какъ пойнтеръ. Смотрю, сидитъ въ кругу незнакомый оборванный солдатъ и угощаетъ сосѣдей папиросами изъ бумажнаго пакета. Спрашиваю, „откуда табакъ?" — Тотъ вскочилъ, видно прежній еще солдатъ: „Такъ что еще утромъ раздавали паекъ, ваше благородіе".

А одинъ стрѣлокъ изъ рыбаковъ, не вставая (на отдыхѣ и за ѣдою стрѣлки не встаютъ) говоритъ на чисто талабскомъ языкѣ:

— Онъ только цицасъ пересодцы. Есцо сумушаетцы. Ницого парень. Оклемаетсцы.

А еще дальше плѣнный солдатъ объясняетъ, что терпѣть до слезъ нельзя когда бѣлые поютъ... Про „Дуню Фомину" услышалъ, такъ и потянуло. — Это тебѣ не тырціоналъ...

Большевики, должно быть, понимаютъ, что пѣсня, порою, бываетъ сильнѣе печатной прокламаціи. Полковникъ Ставскій отобралъ въ Елизаветинѣ у плѣннаго комиссара карандашное донесеніе по начальству.

„Идутъ густыми колоннами и поютъ старыя пѣсни..."

Перемикинъ и, конечно, другіе военачальники понимали громадное преобладаніе добра надъ зломъ. Перемикинъ говорилъ нерѣдко стрѣлкамъ:

— Война не страшна ни мнѣ, ни вамъ. Ужасно то, что братьямъ довелось убивать братьевъ. Чѣмъ скорѣе мы ее покончимъ, тѣмъ меньше жертвъ. Потому забудемъ усталость. Станемъ появляться сразу во всѣхъ мѣстахъ. Но жителей не обижать. Плѣнному первый кусокъ.

— Для большевиковъ всякій солдатъ, свой и чужой — ходячее пушечное мясо. Для насъ онъ прежде всего человѣкъ, братъ и русскій.

XVIII ОТСТУПЛЕНІЕ

Нѣтъ ничего мудрѣе, вѣрнѣе и страшнѣе русской поговорки: „пришла бѣда — отворяй ворота".

Божество удачи отвернулось отъ самоотверженной горсточки желѣзныхъ людей, составлявшихъ Сѣве-

ро-Западную армію. Теперь уже не ошибкамъ полководцевъ и, подавно, не качеству арміи, а лишь стихійному нагроможденію ужасныхъ событій можно было приписывать трагическую судьбу.

Наступили холодные дождливые дни и мокрыя ночи, черныя, какъ чернила, безъ единой звѣзды. По ночамъ было видно, какъ за непроницаемою тьмою далей полыхали зарева пожаровъ и бродили по небу, склоняясь къ землѣ, дымные, голубоватые лучи прожекторовъ. И тамъ же воображеніе рисовало невидимыхъ безсонныхъ героевъ и страстотерпцевъ, совершающихъ, ради счастія родины, несказуемо — великій подвигъ.

Тровожные слухи дошли объ неудержимомъ откатѣ арміи Деникина. Они оказались роковой правдой.

Англичане, обѣщавшіе подкрѣпить движеніе бѣлыхъ на Петербургъ своимъ военнымъ флотомъ, безмолвствуетъ, и лишь подъ занавѣсъ, когда большевики, въ безмѣрно превосходныхъ силахъ, тѣснятъ, окружаютъ бѣлую армію, и она уже думаетъ объ отступленіи, лишь тогда передъ Красной Горкой появляется англійскій мониторъ и выпускаетъ нѣсколько снарядовъ съ такой далекой дистанціи, что они никому и ничему вреда не приносятъ.

Англичане обѣщали оружіе, снаряды, обмундированіе и продовольствіе.

Лучше бы они ничего не обѣщали!

Ружья, присланныя ими, выдержали не болѣе 3-хъ выстрѣловъ, послѣ четвертаго, патронъ такъ крѣпко заклинивался въ дулѣ, что вытащить его возможно бывало только въ мастерской.

Ихъ танки были первѣйшаго типа (временъ войнъ Филиппа Македонскаго — горько острили въ арміи), постоянно чинились и, пройдя четверть версты, возвращались хромая, въ городъ. Французскіе „Бебе“ были очень хороши, но командовали ими англичане, которые увѣряли, что дѣло танковъ лишь производить издали потрясающее моральное впечатлѣніе, а не участвовать въ боѣ. Въ своей арміи они этого не посмѣли бы сказать. Они развращали бездѣйствіемъ и русскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ танкамъ. Одинъ Пермикинъ умѣлъ заставлять эти танки продвигаться въ гущу боя. Однажды, когда англичане,

сидѣвшіе въ „Бебе“, отказались. идти впередъ, Пермикинъ слѣзъ съ коня и постучался въ дверцу. Вышелъ высокій бѣлокурый офицеръ въ англійскомъ военномъ платьѣ. Пермикинъ поглядѣлъ на него внимательно и спросилъ:

— Кто вы?

Тотъ отвѣчалъ по англійски:

— Офицеръ британской арміи.

Пермикинъ гнѣвно повысилъ голосъ.

— Я спрашиваю: какой націи?

— Русскій, ваше пр-ство.

— Такъ передайте англичанамъ, что если ровно черезъ три минуты танкъ не двинется впередъ, то я васъ всѣхъ разстрѣляю.

Танкъ двинулся.

Англичане присылали аэропланы, но къ нимъ прикладывали неподходящіе пропеллеры; пулеметы—и къ нимъ несоотвѣтствующія ленты; орудія—и къ нимъ неразрывающіяся шрапнели и гранаты. Однажды они прислали 36 грузовыхъ пароходныхъ мѣстъ. Оказалось — фехтовальныя принадлежности: рапиры, нагрудники, маски, перчатки. Спрашиваемые впослѣдствіи англичане съ блѣдными улыбками говорили, что во всемъ виноваты рабочіе соціалисты, которые-де не позволяютъ грузить матеріалы для борьбы, угрожающей братьямъ-большевикамъ.

Англичане обѣщали американское продовольствіе для арміи и для петербургскаго населенія; обѣщали добавочный комплектъ американскаго обмундированія и бѣлья, на случай увеличенія арміи новыми бойцами, переходящими отъ большевиковъ. И, дѣйствительно, эти обѣщанія они сдержали. Ревельскіе склады, интендантскіе магазины, портовые амбары ломились отъ американскаго хлѣба, сала, свинины, бѣлья, и одежды; всѣ эти запасы служили предметомъ бѣшеной тыловой спекуляціи и растратъ. Въ бѣлую армію разновременно влилось около 20.000 красныхъ солдатъ и жителей-добровольцевъ, но всѣ были разуты, раздѣты и безоружены. Къ тому же ихъ вскорѣ нечѣмъ стало кормить. А англійскій представитель въ Ревелѣ Мерчъ (или Гофъ?) уже сносился по телефону съ петербургскими большевиками.

Несмотря на то, что желѣзно-дорожный мостъ черезъ Нарву, разрушенный большевиками, былъ возстановленъ въ серединѣ наступленія — продовольствіе просачивалось тоненькой струйкой, по капелькамъ. Не только жителямъ пригородовъ невозможно было дать обѣщаннаго хлѣба, — кадровый составъ арміи недоѣдалъ. На требованіе провіанта изъ тыла отвѣчали: продовольствіе предназначено для жителей Петербурга, послѣ его очищенія отъ большевиковъ, и мы не смѣемъ его трогать; изыскивайте мѣстныя средства. Удивительная рекомендація: снимать одежду съ голаго.

Лучше бы англичане совсѣмъ не обѣщали, чѣмъ дать обѣщаніе, и не исполнить его. Голоднаго не насытитъ хлѣбъ изъ папье маше; жаждущаго не напоить морской водой.

С.-З. правительство быво безсильно. Изъ него вскорѣ послѣ его основанія, вышли покойный нынѣ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. В. Карташевъ и М. Н. Суворовъ, возмущенные обращеніемъ англичанъ Мерча и Гофа съ русскими людьми и русскими интересами. Въ 1920 году они втроемъ выпустили брошюру о С.-З. правительствѣ, которую несмотря на ея дѣловую сухость, ни одинъ русскій не можетъ читать безъ волненія и гнѣва. Но авторы ея не могли сказать всего, до конца. Въ послѣсловіи они упоминаютъ, что многихъ вещей имъ въ теперешніе дни нельзя писать, но что они непремѣнно вернуться къ нимъ при другихъ обстоятельствахъ. Такъ и не вернулись.

Послѣ этого ухода составъ С.-З. правительства оказался ничтожнымъ. Но остался въ немъ до конца событій одинъ человѣкъ, принимавшій горячо и близко къ сердцу тяжелую судьбу арміи, а также боли, нужды и лишенія бѣженцевъ. Это — С. Г. Ліанозовъ. Спокойствіе его, выдержанность и независимость умѣли пробивать эгоистическое равнодушіе англичанъ, и за все что онъ сдѣлалъ тогда для русскихъ — глубокая ему признательность.

С.-З. армія изнуряется и таетъ въ безчисленныхъ бояхъ. Всѣ резервы пущены въ дѣло. Инціатива переходитъ въ руки красныхъ. Дивизія генерала Дзерюжинскаго — послѣдній рессурсъ — подкрѣпляетъ правый флангъ фронта, но большевики дѣлаютъ на

лѣвомъ прорывъ нашихъ войскъ у Кипени. Ликвидація прорыва поручается генералу Пермикину.

Онъ съ Талабскимъ и Семеновскимъ полками спѣшно перебрасывается съ праваго на лѣвый флангъ. Онъ присоединяетъ къ себѣ въ ударную группу еще два полка и два французскихъ танка „Бебе" только что привезенныхъ изъ Финляндіи. Передъ вечеромъ (27 го) занимаетъ Перевелево, вечеромъ того же дня комбинированнымъ обходомъ занимаетъ Кипень и шлетъ въ Витино вслѣдъ обходной колонны большевиковъ Конно-Егерскій полкъ. Затѣмъ бои въ Касково, Сокули, Еолковицы. Приходитъ на помощь Родзянко съ танковымъ дессантнымъ баталіономъ и со своей личною сотней. Удивительный былъ воинъ Родзянко. Онъ какъ будто бы, послѣ момента, когда Юденичъ перенялъ у него главнокомандованія, нигдѣ не состоялъ и никому не подчинился. Но едва стоило какой-нибудь части, исполнявшей почти несбыточное назначеніе, очутиться въ тяжеломъ положеніи, онъ, какимъ то чудомъ являлся на помощь съ своей сотней и съ прихваченными по пути вспомогательными средствами. Правда: былъ онъ по натурѣ великолѣпный и нетерпѣливый всадникъ.

Далѣе идутъ Малково, шоссе Кипень-Гатчино, Ропша, — куда Пермикинъ врывается на плечахъ большевиковъ и захватываетъ грузовикъ, орудія и 400 плѣнныхъ. Затѣмъ Высоцкое и Высокая. Генералъ Пермикинъ надѣется занять къ утру Красное. Но вдругъ несчастныя событія на правомъ флангѣ заставляютъ штабъ дать Пермикину распоряженія прекратить всякія операціи противъ Краснаго Села и принять участіе въ общемъ отступленіи.

Пермикинъ телеграфировалъ главнокомандованію: „Передо мной свободная дорога на Петербургъ. Войду безъ препятствій" Второй приказъ изъ штаба, и разъяренный левъ подчиняется.

Талабскій полкъ покидаетъ Гатчину послѣ всѣхъ. Онъ обезпечиваетъ мелкими, но частыми арріергардными атаками отступленіе арміи и великаго множества бѣженцевъ изъ питерскихъ пригородовъ. Наступаетъ

зима. У Нарвы русскіе полки не пропускаются за проволочное огражденіе эстонцами. Люди кучами замерзаютъ въ эту ночь. Потомъ Нарва, Ревель и бараки, заваленные русскими воинами, умирающими отъ тифовъ. Въ баракахъ солдаты служили офицерамъ и офицеры солдатамъ. Но это уже не моя тема.

Я только склоняю почтительно голову передъ героями всѣхъ добровольческихъ армій и отрядовъ, полагавшихъ безкорыстно и самоотверженно душу свою за други своя.
